

г е т е к т и в   н а   ш п и л ь к а х

елена ЛОГУНОВА

Руссо туристо,
облико морале

Елена Логунова
Руссо туристо, облик морале
Серия «Индия Кузнецова», книга 8

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181422
Руссо туристо, облик морале: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-27713-1*

Аннотация

Сразу не задался у Индии и Аллы отдых в Вене: на второй же день Алла отравилась штурделем и осталась в номере, и Индия отправилась на прогулку одна. Заблудившись, девушка недолго думая залезла на строительные леса вокруг церкви, надеясь увидеть дорогу к отелю. И там ее неожиданно стукнули по голове! От удара она свалилась вниз и потеряла память... Блуждая по Вене, Индия познакомилась с компанией соотечественников – парнями с чудными именами Маня и Муня и девушкой Монеи, – и они позвали ее с собой путешествовать по Европе. Но на самом деле они занимаются кое-чем другим: мошенничают с банкоматами и обворовывают туристов. Красотка Индия еще не знала, что понадобилась им в качестве приманки для богатеньких толстосумов...

Содержание

Понедельник	4
1. Инка	4
2. Алла	16
3	21
4	32
5. Катя	39
6	45
7. Катя	49
Вторник	52
1. Алла	52
2. Катя	58
3	68
4. Катя	75
5	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Елена Логунова

Руссо туристо, облико морале

Понедельник

1. Инка

Если бы Трошкина не накинулась на яблочный пирог, как голодный волк на аппетитную бабушку, я бы не отправилась на ночную прогулку в одиночестве. Но мы еще дома решили, что быть в Вене и не отведать знаменитый апфельштрудель – это преступление, а Трошкина у нас до противности законопослушная гражданка. Поэтому она самым добросовестным образом продегустировала все пять разновидностей прославленного пирога, изрядно опустошив витрину микроскопической кондитерской на Грабен, и какой-то из представленных образцов ее организму очень сильно не понравился.

– Что немцу хорошо, то русскому смерть! – перевернув пословицу, назидательно сказала я позеленевшей подружке. Я тоже неслабо прошла по буржуйской выпечке, но

мой желудок благодаря постоянным тренировкам под руководством папы-кулинара сделался крепким, как перегонный куб алхимика. Поэтому я счастливо избежала затяжной экскурсии по общественным уборным австрийской столицы и не имела острой необходимости ограничить свою вечернюю программу стенами клозета.

– Не жди меня, Инка! Пойди погуляй, ночная Вена так прекрасна! – сдавленным голосом из гостиничного туалета благословила меня на одинокое странствие добрая подруга.

Она уединилась в клозете с тремя рулонами превосходной мягкой бумаги и буклетом, подготовленным для постояльцев администрацией гостиницы. В богато иллюстрированном издании содержалось множество интересной и полезной информации, что должно было отчасти утешить бедную Алку: сидя на горшке, она одновременно культурно росла и, будучи девушкой не жадной, через дверь делилась со мной наиболее любопытными фактами:

– Кузнецова, а ты знаешь, что в основе нашей гостиницы находится строение старинной кайзеровской конюшни?

– Не зря, значит, тут бегают эти жеребцы! – пробормотала я, заглядевшись на парней, которые как раз прошли под окном.

Парни были возмутительно красивые, словно с журнальной обложки. Один – смуглый брюнет с художественно растрепанными кудрями, второй – пепельный блондин с глазами светлыми и дымчатыми, как опалы. Оба высокие, стройные,

как пловцы олимпийской сборной, румяные и белозубые. Я почувствовала, что готова влюбиться без памяти, только с ходу не решила, в кого именно, а влюбляться без памяти сразу в двоих казалось мне немножко неприличным.

– Кулебякин назовет тебя абсолютно безнравственной даже в том случае, если ты закрутишь вдвое меньше романов, чем тебе хочется, – затейливо высказалась по поводу моих метаний отвратительно благонаправная Трошкина.

Мой бойфренд, претендующий на почетное и ответственное звание жениха, милицейский эксперт-криминалист капитан Кулебякин изначально отнесся к моей идее совершить небольшое заграничное путешествие без всякого одобрения. Сам он ни в какие дальние страны отправиться не мог, потому что строгое милицейское начальство отказало ему в отпуске. Я ехала не одна, а в компании старой верной подруги Трошкиной, но Кулебякина это утешало мало. Он предпочел бы, чтобы я взяла с собой кого-нибудь более зубастого, например его собственного бассета Баркляя, чтобы тот облаивал моих иностранных кавалеров оптом и в розницу. В том, что новые поклонники за рубежами нашей родины у меня непременно появятся, милый не сомневался (и тут я была с ним вполне согласна). Причем особенно подозрительны моему ревнивому другу были именно граждане Австрийской Республики: Кулебякина откровенно настораживала национальная традиция называть каждого мужика сомнительным словом «герр». Он так и говорил мне, в сердцах сбиваясь на

рычание:

– Далась тебе эта хер-р-ровая Австрия!

Так что Трошкина была абсолютно права: Кулебякин, узнай он о моих планах блицкрига на австрийском любовном фронте, был бы крайне недоволен. Впрочем, рассказывать милому капитану о своих курортно-туристических похождениях во всех интимных подробностях я не собиралась.

А зануда Трошкина могла бы удержать меня от морального падения на чрезмерную глубину, если бы взяла одного красавца себе. Увы, Алка все время поездки (уже второй день) натужно хранила лебединую верность своей великой любви – моему беспутному братцу Зяме. Хотя он-то расстался с Трошкиной с обидной легкостью и даже не отговаривал ее от поездки, которую моя бабуля со свойственной ей суровой прямоотой назвала безумной авантюрой.

Бабуля никогда не бывала в Австрии, но категорически отказывалась считать ее спокойной цивилизованной страной. Репутацию этому государству испортили два человека: самый известный австрияк двадцатого века – Адольф Гитлер и современный маньяк с трудной для запоминания фамилией, долгие годы удерживавший в плену Наташу Кампуш. Душераздирающую историю этой венской девочки бабуля рассказывала раз сто – все надеялась отвратить меня от поездки в дикую Австрию, где с красивой белокурой малышкой может приключиться ужасная беда. Я действительно успела вернуться к привычному и родному цвету волос, которые до

этого примерно полгода были черными как смоль. В сочетании со светлыми глазами это выглядело очень эффектно – я убедилась в этом на примере бравых пограничников, которые засмотрелись на мое брюнетистое фото в загранпаспорте, как на разворот «Плейбоя». Тем не менее драматическая история австрийской девочки Наташи меня не пугала. Хотя бы потому, что с моим ростом – сто восемьдесят сэмэ – я определенно переросла статус беспомощной крохи.

Это не помешало доброй бабушке накануне поездки окружить меня самым деятельным и утомительным вниманием. Она проверила мой чемодан на предмет вложения в него таких жизненно важных для заграничного путешественника предметов, как шерстяные носки, теплое нижнее белье, компас, фонарик и консервы «Завтрак туриста» – это я еще стерпела, хотя и предвидела неприятный разговор с пограничниками и таможенниками по поводу крайне подозрительной жестяной банки. Но когда бабуля собственноручно нашла на мои любимые стринги потайной кармашек для денег, я взбунтовалась.

– Ба! Я кто, по-твоему, чтобы валюту в трусы складывать?! – возмутилась я.

– Не хочешь в трусы – не надо, – на удивление кротко согласилась бабуля. – Клади в лифчик!

– Будто мне больше нечего туда положить! – фыркнула я. На это заботливой родственнице возразить было нечего, но она еще долго при каждом мало-мальски подходя-

щем случае пересказывала мне замшелые правила безопасной транспортировки наличных в нижнем белье и угомонилась лишь после того, как спрятала за подкладку моей куртки свою собственную карточку VISA – подкожные пластиковые деньги на черный день.

В чем-то мудрая бабушка оказалась права: я действительно чувствовала себя на чужбине гораздо более уверенно, нащупывая сквозь карман плотный прямоугольничек. То, что карта не моя, а бабулина, роли не играло: я крепко запомнила пин-код, он у нее очень легкий.

– Правильно, – уже в Вене, приятно богатой банкоматами, похвалила меня практичная Трошкина. – Запас карман не тянет. Поездки – дело непростое, самый удобный тур чреват непредвиденными тратами и проблемами. А денег на эту карточку ты добавила или там одна бабулина пенсия лежит?

Пришлось сказать, что я в отличие от некоторых не дуручка, и тогда Алка вынужденно признала, что я молодец.

– Подумаешь! Я еще и вышивать, и на машинке умею! – самодовольно мурлыкнула я, не уточнив, что машинка имеется в виду не швейная, а четырехколесная. И, продолжая набиваться на комплименты, ничтоже сумняшеся перешла на псевдоитальянский:

– Руссо туристо! Облико морале!

– Аморале! – ворчливо поправила Алка.

Ей, зануде, очень не понравилось, что по дороге со Стефанплац мы пару раз перешли улицу на красный свет, не до-

ждавшись, пока тикающий, как взрывное устройство, светофор призывно позеленеет. Наладить прочные отношения с венскими светофорами нам пока не удалось. На второй день пребывания в столице Австрии я уже знала, что на местных светофорах бывают специальные кнопочки, но обращаться с ними еще не научилась. Между прочим, именно Алка погнала нас через дорогу, не дождавшись, пока я найду заветную кнопочку. Видите ли, ей показалось, что я выгляжу ужасно непристойно, когда ощупываю светофорный столб (по всей его длине) с усердием тайской массажистки, обрабатывающей VIP-клиента.

Поэтому я была даже рада возможности побродить по дивному ночному городу без своей унылой дуэньи.

Итак, в восьмом часу вечера, оставив Трошкину вдумчиво изучать интерьер туалетной комнаты в помпезном имперском стиле, я пошла гулять по Вене.

Прогулка в стиле «бизнес-туризм» затянулась надолго. С деловой частью программы я справилась быстро, а вот развлекательной наслаждалась без спешки.

Сумрак в расщелинах старинных улиц упоительно благоухал кофе, ванилью и цветущей сиренью. Лыдисто сверкали витрины закрытых магазинов, тепло светилась позолота многочисленных статуй, горели свечи на столиках уличных кафе... Глазея, обоняя, внимая и впитывая, я без усталости шагала по узким улочкам и часика через три поняла, что заблудилась.

– Дезориентирен? – притормозив рядом со мной, участливо спросил белый как лунь дедуля в щегольском плащике из неотбеленного льна.

– Есть немного, – призналась я, тщетно пытаясь сложить карту размером с добрую скатерть.

На весеннем ветру эта бумажная простыня развернулась, как лодочный парус, и возвращаться в исходное компактное состояние упорно не желала. К счастью, помимо туристической брошюры, у меня была черно-белая карта, скачанная из Интернета, и поутру добрый клерк из отеля отметил на ней мое временное трехзвездочное пристанище трагическим крестиком. К сожалению, названия второстепенных улиц на карте пропечатались нечитаемыми микроскопическими буквами. Впрочем, я не горевала по этому поводу – я же все равно не знаю немецкого. Я, если честно, и по-английски говорю примерно так же, как Пятница, взявший пару коротких уроков у Робинзона.

При таких условиях одинокая пешеходная прогулка по ночной Вене неизбежно превращалась в увлекательное приключение в многообещающем стиле «русский экстрим».

– Плиз, хелп ми, – с роскошным кубанским прононсом сказала я внимательному старичку. – Вер из май хотел? Итс Пента Вьен.

– Ингланд?

– Но, но! Рашн! – улыбнулась я.

То, что меня с таким африканским английским приняли

за уроженку туманного Альбиона, резко повысило мою самооценку.

– Русиш?!

Узнав мою национальную принадлежность, австрийский дедушка чрезвычайно взволновался и незамедлительно поведал, что в молодые годы он был «зольдатен» и воевал в «Русланд».

– Дойчен зольдатен ниht капитулирен, – некстати вспомнила я, заодно сильно погрешив против мировой истории.

– Я извиняйтсь, – дедуля сначала покаянно понурил седую головушку, а потом по-своему попытался компенсировать моральный ущерб, нанесенный им когда-то всему советскому народу.

Народ, естественно, представляла я. Экс-зольдатен нежно взял меня под локоток и повел в нужном направлении.

Я шла и все сильнее волновалась – не о себе, нет! Седенький старичок в белых одеждах здорово походил на заиндевшего богомола, обещающего отойти в мир иной с первыми осенними заморозками. Мне сделалось тревожно: а ну как от перепада температур и переживаний славному дедушке придет внезапный капут, а я даже не смогу вызвать «Скорую»?! Мобильник у меня был, но я не знала, как позвонить в неотложку. И спросить было не у кого: дед говорил только по-немецки. Я собрала в кучку все свои скудные познания в языке Шиллера и Гете, щедро сдобрила их фантазийными словесами в псевдоготическом стиле и, часто приседая в

книксенах, проникновенно сказала:

– Прогулкен – даст из фантастиш, но шли бы вы, дедуля, на хаузен, битте!

Уж не знаю, как это прозвучало для немецкого уха, но дедок отстал. То ли умудрился меня понять, то ли остолбенел от удивления, что я вдруг заговорила человеческим голосом. Мы расстались очень довольные друг другом.

Кварталом позже на моем пути встретила японская чета. Эти не знали даже немецкого, а у меня всегда было плохо с японским. После пятиминутной дискуссии на разных языках мы нашли одно общепонятное слово: Москва. Японцы очень обрадовались и по собственной инициативе препроводили меня в российское посольство.

– Данке шен! – поблагодарила я, царапая брусчатку в реверансе.

Будить российского консула я не собиралась. Во-первых, была уверена, что найду дорогу до отеля и без него. Во-вторых, у меня при себе не было паспорта, зато имелась твердая уверенность, что наш российский чиновник и за рубежом поинтересуется в первую очередь бумажкой, без которой я не человек, а нечто такое, чему место не в посольстве, а там, где засела хворая Трошкина.

Дождавшись, пока добрые японские люди уйдут восвояси, я обошла форпост отечества по периметру, попутно с интересом осматривая достопримечательности – фонтанчик и старинный православный собор. Очень симпатичная

маленькая церквушка находилась в стадии реставрации: ее окружали строительные леса, на которые мне сразу же захотелось забраться.

В горные выси меня повлекло отнюдь не стремление к духовному росту. Я вспомнила, что видела что-то очень похожее на такую вот башенку с куполом-луковкой в правом верхнем углу окошка своего номера в комфортабельной имперской конюшне. По идее, приблизившись к куполу, я должна была увидеть отель. Это сильно облегчило бы дальнейшую навигацию в тихую гавань с удобной кроватью.

Не теряя времени даром, я обежала церквушку, нашла вблизи заколоченной двери широкую наклонную доску-трап, поднялась по ней на леса и с самой верхотуры с интересом обозрела окрестности. Зрительная память меня не подвела: теплое трехзвездочное стойло, унаследованное мной и Трошкиной за лошадами Вильгельма Какого-то, обнаружилось совсем рядом.

– Ну все понятно! Спуститься, пройти квартал вперед, повернуть налево, подняться на мостик – и сразу за ним будет отель!

Я скоренько проложила курс и даже заготовила в дорогу подобие лощи, пощелкав в нужную сторону фотоаппаратом. Снимок мог сойти за карту местности.

Засмотревшись на дисплей камеры, где застыла вполне качественная цветная картинка – вид квартала с высоты комариного полета, – я не сразу заметила, что доски подо мной

задрожали. А когда ощутила это, не сразу поняла причину сего внезапного волнения: мне подумалось, что почву сотрясает какой-то тяжелый транспорт. Я выглянула на улицу и...

Сильный удар чуть пониже спины отшвырнул меня с лесов, как лодочное весло – зазевавшуюся лягушку!

Падала я, будучи в полном сознании и абсолютном ужасе, поэтому мой полет ознаменовался воем, которого культурные столицы Европы не слышали, наверное, со времен авиационных налетов Второй мировой. Я бомбой просвистела мимо трехэтажных лесов и за ничтожное мгновение до неизбежной встречи с землей малодушно отключилась.

2. Алла

В тот прекрасный апрельский день, полный света, радости и волшебной музыки Моцарта, ничто не предвещало беды. Я от души наслаждалась поездкой, и даже случайное недомогание не испортило впечатления от первых дней нашего пребывания в столице Австрии.

Тучи начали сгущаться ближе к вечеру. То есть погода несколько не ухудшилась: вечер был дивный, теплый, ласковый, и я искренне порадовалась за подружку, которая отправилась на приятную прогулку. Однако время шло, вечер превращался в ночь, добропорядочные венцы перемещались в спальни, где облачались в уютные пижамы и теплые колпаки, фонари на улицах и площадях гасли, погружая сонный город во мрак... А загулявшей Кузнецовой все не было и не было!

Не скрою, я начала волноваться. Потерять счет времени, предавшись разнузданному шопингу, Инка никак не могла: все торговые точки давно закрылись. И утешительную версию о том, что она задержалась в какой-нибудь бургерской пивной за дегустацией восемнадцати сортов австрийского пива, тоже пришлось отбросить после двадцати двух часов: к этому времени выпроводили посетителей даже самые долгоиграющие заведения венского общепита. Таким образом, я не знала, куда запропастилась моя подруга, и, к сожалению, не могла ей позвонить. Я весьма продолжительное время на-

ходила в помещении, не оснащенном телефонной связью, и по не зависящим от меня причинам физиологического характера не могла из него выйти, чтобы взять оставленный на прикроватной тумбочке мобильник.

Такая возможность появилась у меня только в одиннадцатом часу вечера. К этому моменту мое самочувствие улучшилось, зато настроение ухудшилось, потому что Инка упорно не отвечала на мои звонки. Сама того не желая, я стала думать о грабителях, маньяках, всякого рода маргинальных личностях и разных генетических уродах, которыми должна быть богата старая Европа с ее многовековыми традициями близкородственных браков. Закрывая слезящиеся от ветра и горя глаза, я явственно видела белокурую красавицу Кузнецову прикованной к сырой стене подземелья мрачного готического замка какого-нибудь дегенеративного австрийского фон-барона.

Не в силах выносить состояние мучительной неизвестности, я вышла на балкон и некоторое время с тревогой обзревала окрестности, напрягая глаза в попытке разглядеть в подступившем к отелю мраке знакомую фигуру в приметной оранжевой курточке. Ее я так и не увидела, зато узрела неподалеку красивую церквушку, судя по архитектуре – православную. Я расценила это как знак свыше: до того момента я решительно не представляла, к кому обратиться с мольбой о помощи. Поделиться своей проблемой с персоналом отеля я не могла по причине незнания немецкого, а звонить рус-

скоговорящим родным и близким в Екатеринодар не имело смысла – помочь они ничем не смогут, а волноваться будут еще больше, чем я. То ли дело добрый боженька, он, если захочет, и поймет, и подсобит!

– Господи! – прошептала я, устремив молящий взгляд на тускло золотящуюся луковицу купола. – Прошу тебя, пусть Кузнецова живой и невредимой вернется в отель, а то я так беспокоюсь, что просто убила бы эту идиотку!

Наверное, высшие силы нашли мою просьбу противоречивой – никакого отклика на нее я не получила. Я помолилась еще («Господи, наставь Кузнецову на путь истинный к гостинице!») и еще («Господи, дай сил мне и не дай их ма-ньякам!»), но ситуация не изменилась. Рассудив, что мои молитвы скорее и вернее дойдут до отца нашего небесного, если я озвучу их непосредственно в храме, я живенько собралась, вышла из гостиницы и побежала к церквушке.

Увы, она была закрыта! Вокруг здания в несколько ярусов поднимались строительные леса. Я подошла к церкви близко, как смогла, – буквально уткнулась носом в кирпичную кладку – и не по канонам, но с большим чувством забормотала:

– Господи, на все воля твоя, спаси и сохрани странствующую Кузнецову, укажи ей дорогу к отелю и с опережением обрушь свою карающую десницу на головы злоумышленников, которые могут...

Закончить фразу я не успела, ибо в следующий миг по-

лучила немедленное подтверждение того, что даже всевышний не свободен от мужского шовинизма и придерживается принципа: «Выслушай женщину и сделай наоборот». Воистину, первочеловек Адам был сотворен им по собственному образу и подобию!

Краем глаза я заметила стремительно надвигающуюся тень, и чья-то увесистая десница обрушилась на мою собственную голову.

Если бы не привитая мне покойной бабушкой похвальная привычка носить головные уборы, мой череп мог бы серьезно пострадать от соприкосновения с кулаком злодея. К счастью, на мне была мягонькая трикотажная шапочка, которую я на подходе к церкви ассоциативно – для пущего сходства с монашенкой в клобуке – накрыла стеганым капюшоном плаща. Двойная амортизация уберегла от черепно-мозговой травмы, но и напавшего на меня негодяя я не увидела: от удара шапка сползла на левый глаз, а правый закрыл покривившийся капюшон. Пока я с ревом и воем освобождала себе обзор, злодей исчез, как будто его и вовсе не было. Но шишка, стремительно созревающая на моей голове, и левое ухо, горящее огнем, как пирожок с пылу с жару, свидетельствовали об обратном.

– Ах ты, гад! – размазывая по лицу слезы, тушь, тени и помаду, вскричала я. – Ну уж нет! Я этого так не оставлю!

По причине тесной многолетней дружбы с потомственной авантюристкой Кузнецовой у меня не всегда получает-

ся быть добропорядочной гражданкой, но в идеале я к этому стремлюсь. Я исправно плачу налоги, хожу на выборы, не нарушаю правила дорожного движения, сигнализирую куда надо о подозрительных личностях и предметах. Разумеется, даже в чужой стране я не могла пройти мимо такого вопиющего нарушения закона, порядка и мирного течения жизни, как неспровоцированное нападение уличного хулигана на одинокую беззащитную интуристку!

Я вспомнила, что рядом с красивым особняком российского посольства видела представительного мужчину в полицейском форме, и побежала сигнализировать.

3

Катя?

В оглушительной тишине надо мной слева направо проплыл призрачно сияющий радужный шар.

– Это что? НЛО? – без особого удивления прошелестел мой внутренний голос.

Светящийся шар неспешно пролетел в обратном направлении. Я поморгала, стряхнула с ресничек слезинки и опознала в предполагаемом НЛО большую электрическую лампочку. Стеклянная груша на длинном шнуре свисала с лесов и медленно раскачивалась.

Я заворочалась, и ватную тишину распорол противный скрип, неприятно напоминающий о пружинах продавленного дивана. Я поднялась, огляделась и обнаружила под собой проволочный стог, под давлением моего тела превратившийся в подобие большого птичьего гнезда.

– Где я? – услужливо подсказал реплику внутренний голос.

Я послушно огляделась. Справа от меня высилась каменная башня в тройном кольце строительных лесов, слева поднималась баррикада из бумажных мешков, содержимое которых было обозначено словом на незнакомом мне языке. Слово было длинное, как товарный состав, и при попытке озвучить его травмировало мой речевой аппарат колючка-

ми многочисленных согласных. Ни малейшего смысла в этих уютных фонемах я не уловила.

Кряхтя, как старая бабка, я встала, отряхнула одежду. Сушила руки в карманы куртки и убедилась, что они пусты.

– Ну вот, приехали! – ахнул мой внутренний голос. – Тебя ограбили!

– Кто? – закономерно поинтересовалась я и снова огляделась.

Вокруг не было ни души.

Я не поленилась обойти башню кругом и минут десять бродила среди мешков, ящиков и холмиков, заботливо укрытых полиэтиленом, спотыкаясь о них же и все больше проникаясь мыслью, что делаю что-то не то.

– Слушай! – позвал меня внутренний голос, когда я завершила круг почета и пришла к своему опустевшему проволочному гнезду с другой стороны. – Может, лучше пойдем отсюда?

Это предложение мне понравилось, но показалось недостаточно конкретным, и я попыталась уточнить:

– А куда?

– Ну... Куда-нибудь, – растерялся внутренний.

И тут я почувствовала, как по позвоночнику вереницей побежали мелкие мурашки. Никакого представления о том, как я попала на эту стройку, у меня не было!

– Может, ты вылупилась из этого проволочного кокона? Как птенец из яйца стальной птицы! – зло съязвил откровен-

но напуганный внутренний голос. – Тогда со временем из тебя вырастет самолет! Натренируешься наматывать круги вокруг башни и станешь чартером!

Этот идиотский треп лишил меня остатков душевного спокойствия. Отвесив могучий пинок предполагаемому самолетному гнезду, я в гневе и страхе гаркнула:

– К черту подробности!!!

И, когда внутренний голос испуганно заткнулся, дрожащим дискантом спросила о главном:

– Кто я?!

Я не сомневалась, что видала в своей бурной молодой жизни всякое, но это ощущение тотальной потерянности сравнить мне было не с чем. Думаю, даже Машенька, заплутавшая в диком лесу вблизи секретной резиденции трех медведей, чувствовала себя не в пример уютнее.

– Как это возможно, вообще не знать, кто ты такая? – возмутился мой внутренний голос. – Соберись с мыслями, сосредоточься и вспомни!

– Не могу, – с трудом сдерживая слезы, призналась я.

Ни имени своего, ни адреса – вообще ничего такого персонального! – я не помнила, хоть убейте! При этом, что интересно, базисные и абстрактные безличностные знания и навыки остались при мне. Я могла прочесть буквы на мешках и помнила, что они называются латинскими. Я узнала в здании, вокруг которого пробежала стометровку, культовое сооружение, архитектурно соответствующее канонам христи-

анской православной церкви. Я знала о гипотетическом существовании в обитаемой Вселенной НЛО и умела отличать от них грушевидные электрические лампочки. Я даже Большую Медведицу в небе опознала без труда!

– Так, судя по звездам, ты на планете Земля, где-то в Северном полушарии, – внутренний голос перестал истерить и заговорил конструктивно. – Интересно, что это за страна?

– Россия? – предположила я, поглядев на церковь.

– Европа! – уверенно возразил внутренний. – Смотри, как аккуратно ближайшие березки противокмаринной сеточкой укутаны, чтобы, значит, их штукатуркой не заляпали.

Я привстала на цыпочки, посмотрела на черепичные крыши невысоких домов:

– Чехия? Или Польша?

Но тут же вспомнила бесконечное слово, напечатанное на мешках, и окончательно определилась:

– Это Германия или Австрия, точно! Такими длинномерными словесами отчаянно грешит именно немецкий язык!

– Итак, ты немка, – постановил внутренний голос и надолго замолчал.

Я тем временем на глазок прикинула свой рост – не меньше ста восьмидесяти сэмэ, оценила золотистый колер локонов и долго тарачилась в полированный пяточок металлической пуговицы на манжете, выясняя, какого цвета у меня глаза. Вроде бы светлые.

– Рослая, белокурая, голубоглазая – типичная арийка! –

взбодрился мой внутренний голос. – Как тебе имя Грехен, ничего не говорит? Нет? Может, какое-нибудь другое германское имя в памяти всплывает? Что-нибудь особенно близкое и родное?

– Какая-то ерунда всплывает, – вздохнула я. – Клара Цеткин, Роза Люксембург, Инесса Арманд... А из сколько-нибудь родного и близкого германского только фрекен Бок, но это точно не я, у нее Карлсон был, а я одинока как перст. Торчу на этой стройке, как стремянка!

Ужасно захотелось заплакать.

– А ну не ныть! – прикрикнул на меня внутренний голос. – Где хваленый нордический характер? Давай думать, как прелестная немецкая фрейлейн могла оказаться одна на стройке. Может, ты местная ночная сторожиха?

– Еще чего! – возмутилась я. – Я отчетливо чувствую, что гораздо выше этого!

– Так, может, ты прораб или еще какой ценный строительный кадр? Вот у тебя и курточка оранжевая, как жилет дорожного рабочего!

Я снова покосилась на пухлые мешки в неудобочитаемых печатях:

– Будь я квалифицированным строителем, наверняка знала бы, чем набиты эти чувалы!

– Логично, – огорченно согласился внутренний.

Он немного помолчал и предложил, старательно сдерживая растущую панику:

– Давай подытожим, что мы имеем. Ты знаешь буквы, но не понимаешь слов, которые из них состоят. У тебя нет ни денег, ни документов, а ночуешь ты на стройке, лежа на бухте проволоки. Это все минусы. В плюсах у тебя гренадерский рост, роскошные золотые волосы и голубые глаза. Так что же получается?

– Получается, что я слабоумная бездомная Лорелея! – Я раздумала реветь и закатилась истерическим смехом, который только подтвердил эту версию.

Дикий хохот унесся прочь на крыльях свежего ночного ветра. Отсмеявшись и осушив слезы манжетами курточных рукавов, я взяла себя в руки и принялась сосредоточенно искать подсказку для решения сложносоставного вопроса: «Кто я, откуда, почему и зачем?»

Искала я ее в карманах, коих у меня оказалось восемь: пять на джинсах, два на куртке и еще один, декоративный, на голенище правого сапога.

Порадовали штаны – такие тугие, что сунуть руку в карман на попе стоило мне труда. Зато я нашла артефакт – небольшую квадратную фотографию в плотной бумажной рамочке. На ней была запечатлена светловолосая гражданка, улыбающаяся широко и бессмысленно, как разомлевший Чеширский Кот.

– Это я, что ли?

Отражение в курточной пуговице не позволяло с уверенностью отождествить себя с блондинкой на фото. Местность,

на фоне которой снялась улыбчивая гражданка, я не узнала, но это явно была оживленная городская улица, забитая народом. Пешеходы шли по ней плотным строем, какая-то брюнетистая личность буквально висела у блондинки на плечах – растрепанная черноволосая голова запятнала картинку, как чернильная клякса.

Покрутив снимок так и сяк, я вернула его на место и продолжила ревизию. Очень скоро во втором заднем кармане нашлась серебристая бумажка, явно пережившая машинную стирку и скрутившаяся в тугой комочек в форме малюсенького веретена.

– О, это может быть еще одна ценная находка! – обрадовался мой внутренний голос.

Качественные, явно не копеечные джинсы, туго облегающие мою нижнюю половину, стерильной чистоты среди своих несомненных достоинств не числили – стирали их не сегодня и даже, наверное, не вчера, так что бумажное веретенце, несомненно, являлось материальным доказательством реальности моей прошлой жизни, а потому заслуживало внимательного изучения. Я крайне бережно развернула его и после долгих раздумий решила, что это какой-то билетик. Какой именно, понять не удалось. Но не в партер Большого театра, это точно. Скорее всего, на проезд в общественном транспорте: на хорошо отстиравшейся бумажке еще угадывались очертания не то вагона, не то фургона.

– Значит, ты не богатенькая дамочка, раскатывающая на

лимузинах, – огорчился внутренний голос.

Я спрятала не сильно порадовавший меня билет поглубже в курточный карман и неожиданно нащупала в мягких внутренностях верхней одежды нечто гораздо более твердое, нежели гусиный пух, – постороннее вложение больше походило на фрагмент гусиного клюва.

– Спокойствие, только спокойствие! – сказала я себе, осторожно ощупывая непонятное затвердение дрожащими руками.

Я сняла куртку, встала точно под лампочкой, рассмотрела внутренние швы пуховика и довольно быстро обнаружила прореху, аккуратно заштопанную старомодным стежком «назад иголкой». Ножа или ножниц у меня не было, но акриловый ноготь успешно их заменил. Покопавшись за подкладкой, я вытащила пластиковую карточку и крепко зажмурилась, не решаясь на нее посмотреть.

Если бы это оказался карманный календарик, или ярлык с указанием желательного режима стирки куртки, или дисконтная карта Гуанчжоуской фабрики плащевых и зонтичных изделий, или памятная пластинка с гравировкой «Из Китая – с любовью!», я бы умерла на месте от жестокого и нестерпимого разочарования. Но небеса сжалились надо мной: это была кредитная карточка VISA «Бета-банка», хитрый вензель которого был красиво вписан в ностальгический пейзаж с березками. Я едва не прослезилась, но вид вереницы серебристых буковок, выдавленных вдоль нижнего края

карты, вернул мне солнечную улыбку. Теперь я знала, как меня зовут:

– Оказывается, я Катерина Разотрипята!

– Сочувствую, – бестактно ляпнул внутренний голос, испортив всю радость.

Я крикнула и посмотрела на серебристые буквы с легкой тоской. Случалось мне слышать еще менее благозвучные ФИО, но и Катей Разотрипятой по собственной воле я бы нипочем не стала, это точно. Значит, Разотриного, тьфу, пята, я не по мужу, это моя девичья фамилия. Так сказать, родовое проклятие, унаследованное от предков, которых я, надо полагать, очень сильно люблю, иначе непременно сменила бы трагикомическое отчее имя в день получения паспорта. Я почувствовала желание срочно выйти замуж за первого встречного с неприятязательной фамилией Иванов, Петров или Кузнецов. С поправкой на актуальную географию – Иохансон, Петерс или Шмидт (Мюллер, Борман, Штирлиц и Шелленберг тоже сгодились бы).

Впрочем, никаких таких реальных знакомых у меня не было или же я их просто не помнила. Поэтому мои matrimониальные мысли были абстрактными, чистыми и прекрасными, как букет флёрдоранжа.

Внезапно на этом красивом и нежном ментальном фоне грязным пятном вздулся ядерный гриб дикой ярости. Я случайно посмотрела на спину куртки, которую машинально вертела в руках, и увидела на ней четкий отпечаток ребри-

стой подошвы!

– Ах вот оно что! – моментально взбесилась я.

Темный отпечаток был не грязный, просто мокрый. Курточная ткань просыхает быстро, значит, кто-то дал мне пинка совсем недавно. А перед этим наступил на мокрое место.

Я быстро огляделась. Вокруг не было никаких луж, и ближайшая ко мне водосточная канава была сухой, как спирт в таблетках. В поисках водоема, где намочил копыто лягнувший меня мерзавец, я еще раз обежала церквушку. Не поленилась даже залезть на леса – и правильно сделала: перевернутая площадка с откисавшим в ней шпателем нашлась именно там. Вода уже впиталась в доски, осталось только мокрое пятно, но мне и этого было достаточно. Выглянув с лесов, я увидела внизу свой помятый проволочный стожок и сразу же поняла, как все было. Значит, я стояла вот тут, а он подскочил сзади, толкнул меня ногой, и я бухнулась с трехметровой высоты, не сломав себе шею только благодаря своевременной встрече с чудесной, замечательной, прекрасной проволокой!

– Шею не сломала, но башкой ударилась и память потеряла! – напомнил внутренний голос.

– Слушай! – задумалась я. – Если этот ногастый гад хотел меня убить, значит, он имел на то серьезную причину? Знать бы, какую... Наверное, у него ко мне что-то личное? То есть он неплохо со мной знаком и...

– И если он тоже не потерял память, то знает о твоей жиз-

ни гораздо больше, чем ты сама! – договорил смысленный внутренний.

– Значит, нам имеет смысл познакомиться заново! – подытожила я и с риском повторно сверзиться с лесов высунулась подальше, чтобы оглядеть окрестности из-под ладошки.

Была надежда, что лягастый-ногастый не успел далеко уйти, и я поклялась себе найти его.

Ничего особенного для этого делать не пришлось, он нашелся сам. Я услышала, как скрипнули доски, обернулась и увидела поднимающегося на леса мужчину в темной одежде – то ли в синем, то ли в коричневом, я не присматривалась. Меня интересовала главным образом его обувь. На ногах у незнакомца были кроссовки. Можно было не сомневаться, что подошвы у них ребристые!

– Он чуть вошел – она узнала, вся обомлела, запылала и молча молвила: «Вот Он!» – внутренний голос очень удачно прокомментировал ситуацию стихами, автора которых я запомнила.

И еще добавил с невольным уважением:

– Смотри, какой упорный гад! С первого раза укокошить тебя не смог, пришел еще раз попытаться!

– Это мы еще посмотрим, кто кого укокошит, – свирепо пробормотала я и приготовилась атаковать первой.

Лео Амтманн на выходе из участка притормозил у торгового автомата и с вожделием засмотрелся на молочную шоколадку с изображением дойной коровы. Это была его ошибка. По мнению Марты, Лео вообще следовало забыть о любимых сладостях, которые – вкупе с любимым пивом – к двадцати шести годам наградили его круглым животиком. В присутствии жены Лео на шоколадки даже не смотрел, тихо радуясь, что Марта не предала анафеме и пиво. С Марты сталось бы объявить мораторий на употребление любого неугодного ей продукта без учета мнения Лео – характер она унаследовала от отца. До свадьбы влюбленный Амтманн этого как-то не замечал, но спустя полгода после похода к алтарю начал терзаться вопросом: какого черта он взял в спутницы жизни женский вариант лейтенанта Бохмана?!

Если честно, Лео думал, что новое родство даст ему шанс дожить до пенсии, не скончавшись от раннего инсульта в момент очередной служебной головомойки. Надежда не оправдалась, скандалист и придира Бохман начал тиранить бедолагу Амтманна вдвойне: и как начальник, и как родственник.

Определенно, Лео не следовало задерживаться в коридоре. Его смена закончилась, и он имел полное право на ночной отдых, который обещал быть особенно спокойным и приятным, потому что потомственная тиранша Марта уехала в

Зальцбург на свадьбу двоюродной сестры. Однако лишняя минута промедления все испортила.

– Лео, сынок! – добрым голосом сытого тигра позвал Бохман, выглянув из своего стеклянного кабинета. – Собрался уходить?

По мнению Амтманна, вопрос был риторическим и не заслуживал ответа, но он все-таки кивнул.

– Зайди на минутку! – сказал Бохман и скрылся в своем террариуме, даже не дождавшись ответа.

Он нисколько не сомневался, что Лео безропотно подчинится, и оказался прав.

– Да, Вальтер? – Амтманн послушно заглянул в кабинет.

Назвав лейтенанта по имени, он тем самым прозрачно намекнул, что рабочий день закончен и они двое уже не начальник и подчиненный, а тесть и зять.

– Лео, видишь эту милую молодую даму?

Лео повертел головой, но никого такого не увидел. Помимо самого лейтенанта, в кабинете были еще какой-то гном в плаще с капюшоном и незнакомый усатый парень в форме постового. Из них двоих на милую молодую даму гораздо больше походил именно постовой.

– Вот она! – сердито покраснев под вопросительным взглядом Амтманна, сказал он.

Лео повнимательнее присмотрелся к затененному капюшоном узкому личику в разноцветных разводах косметики и неуверенно кивнул.

– Эта милая молодая дама утверждает, что на нашем участке на нее было совершено разбойное нападение! – сообщил Бохман, интонацией выразив откровенное недоверие к словам милой гномовидной дамы.

Солидаризируясь с шефом, Лео высоко поднял и выгнул брови эмблемой «Макдоналдса». Их участок располагался в уважаемом районе и считался очень спокойным. Слава местечка, опасного для сколько-нибудь милых дам, могла повредить ему в глазах туристов и торговцев недвижимостью. А Лео с Мартой как раз подумывали о том, чтобы продать свою маленькую квартирку и купить жилье чуть подальше от центра, но попросторнее. Лейтенант и его зять сцепились многозначительными взглядами и замолчали.

Постовой нетерпеливо взглянул на часы и нервно заговорил:

– Эта дама, – Лео мысленно отметил, что он не назвал ее ни молодой, ни милой, – гуляла у закрытой церкви вблизи русского посольства. Она утверждает, что в тот момент, когда она взывала к господу и его ангелам, ее ударили по голове.

– Какое кощунство! – неискренне возмутился Бохман, сам систематически проявляющий крайне непочтительное отношение к господу и всем его ангелам.

В приступе гнева лейтенант массово метал в небеса тяжкие ругательства, способные основательно проредить стаю крылатых серафимов.

– Фрау ударили по голове? – повторил Лео.

– Я фрейлейн! – плаксиво поправила гномша, продемонстрировав знакомство с азами местного этикета.

– Фрейлейн говорит по-немецки? – оживился лейтенант.

– Фрейлейн говорит только по-русски, да и то невнятно, гораздо лучше фрейлейн ревет и хватает за руки полицейского! – с досадой сказал постовой и одернул на себе мундир. – Господа, позвольте откланяться! Я не могу надолго оставить свой пост!

Он быстро вышел, козырнув лейтенанту, кивнув Лео и адресовав холодное «ауфвидерзеен» фрейлейн Гном. Эта условно милая дама осталась сидеть.

Амтманн прищурился.

Поверить в то, что фрейлейн подверглась нападению, было нетрудно: она выглядела так, словно ее били по голове не один раз. Из-под перекосившегося капюшона выглядывала вязаная шапочка, к пуху которой припутался сухой березовый лист. Одежда милой русской гномши была перепачкана серой цементной пылью, а из кармана плаща свесилась широкая белая лента. Присмотревшись, Амтманн с удивлением узнал в ней туалетную бумагу.

– Лео, сынок! – лучась добротой, как весеннее солнышко, сказал тем временем Бохман. – Не в службу, а в дружбу: проводи милую фрейлейн до ее отеля и загляни на ту строительную площадку. Мы не можем оставить без внимания жалобу иностранной туристки.

Амтманн мысленно застонал и обругал себя теми самыми словами, которые с избытком имелись в лексиконе его тестя. Какого дьявола он не убежал домой, пока была такая возможность?! Лео прекрасно понял все резоны Вальтера Бохмана. Доброе имя района, конечно, было лейтенанту небезразлично, но он не случайно повесил это поручение именно на Амтманна. Наверняка это ревнивая дурочка Марта попросила своего папочку поплотнее занять Лео службой на те дни, пока она будет в отъезде. Чтобы, значит, он не посвятил свободное время каким-нибудь недостойным занятиям!

– Ты все равно будешь идти мимо посольства, – с улыбкой добавил Бохман.

Тут Амтманн скрипнул зубами и с трудом удержался от напоминания, что ему не пришлось бы идти пешком мимо русского посольства к станции метро, если бы Марта с ее мамочкой не укатали в Зальцбург на машине Лео! Однако ссориться со старшим по званию и семейному статусу Бохманом Амтманну было не с руки.

– Конечно, Вальтер, я все сделаю, – сказал он и посмотрел на фрейлейн Русиш Гном с плохо скрытой неприязнью.

Милая стукнутая дама, даром что травмированная, шагала резво, так что до отеля они дошли быстро, скоротав время за подобием светской беседы. Фрейлейн безостановочно лопотала по-русски, поминутно пытаюсь ухватить Лео за рукав и заглянуть ему в лицо. Амтманн на непонятные ему вопросы «Кто же должен за это отвечать?» и «Кто мне в этом

поможет?» односложно отвечал по-немецки:

– Я, я!

Он знал, что умалишенных злить неразумно, гораздо безопаснее с ними соглашаться. Гномша действительно заметно успокоилась, приободрилась и в просторный холл отеля вошла, распрямив спину и сложив бледные губы в призрачную сомнамбулическую улыбку. Учтиво сопроводив ее до лифта, Лео затем вернулся к портье и попросил его присматривать за придурковатой русской туристкой, имеющей обыкновение совершать подозрительные ночные прогулки по достопримечательностям культурной столицы с рулоном пипифакса в кармане.

Осматривать стройку Амтманну откровенно не хотелось, но он обещал Бохману, что сделает это, и чувствовал внутреннюю потребность сдержать слово.

Вблизи реставрируемого объекта никого не было, даже сторожа, хотя его присутствие как раз не помешало бы. Хозяйственный Лео заметил явственные приметы того, что заведенный на площадке порядок весьма далек от образцового: разваленный штабель мешков со штукатуркой, помятая бухта строительной проволоки... А потом ему показалось, что по доскам над его головой кто-то ходит. Стараясь не шуметь, Лео поднялся по трапу на первый ярус – там было пусто, и он полез выше, мельком пожалев о том, что перед уходом из участка переоделся в штатское и оставил в шкафчике свой пистолет. Кто мог прятаться в двенадцатом часу ночи в

густой тени на верхотуре строительных лесов? Только псих, лунатик или злоумышленник.

Амтманн полностью убедился в своей правоте, когда из темной ниши на него выскочила долговязая фигура. Пробежав по качающейся доске с грацией лунатика, она с ловкостью футболиста подсекла Лео подножкой и, когда он упал, прыгнула на него сверху, схватила за воротник, пару раз стукнула головой о доски и при этом с настойчивостью законченного психопата вопрошала:

– А ну говори, гад, кто ты такой и кто я такая?!

Смысла вопроса на незнакомом языке Лео не понял, а потому не стал терять время и силы на беседу и успешно реализовал на практике навыки борьбы, полученные в спортивном классе полицейской школы.

5. Катя

Ночка выдалась нескучная и такая познавательная – куда там университетскому семестру! Открытия следовали одно за другим, и все не те, что нужно!

Когда мужик, которого я уже начала допрашивать в беспрепетной гестаповской манере, ловко перевернулся, опрокинув и придавив меня, я поняла, что сильно переоценила свою физическую подготовку. Через минуту, на протяжении которой я получила пару оплеух и вынужденно приняла унижительную коленопреклоненную позу с заломленными руками, мой победоносный противник звякнул куда-то по мобильнику. В прозвучавшей короткой речи на немецком я разобрала слово «полицай» и поняла, что произошла ужасная ошибка. Я приняла за злоумышленника добропорядочного бюргера, забравшегося на леса с какой-то вполне невинной целью! Правда, такую цель я придумать не смогла, хотя посветила этому все время нашей короткой поездки в машине с мигалкой. А по прибытии в участок стало ясно, что бюргер мой не просто вызвал полицию, он сам полиция и есть. Таким образом, моя ошибка могла квалифицироваться как нападение на представителя закона и при данной трактовке «тянула» на пару месяцев (если не лет!) пребывания в режимном австрийском заведении.

– Не нравилось тебе ампула бездомной идиотки, теперь

примерь на себя роль тюремной арестантки! – застрашал меня внутренний голос.

Я крепко загрузила, а когда вспомнила, что не располагаю не только документами, но вообще почти никакими сведениями о собственной личности, совсем упала духом. Если австрийская Фемида окажется суровой, меня посадят за налет на полицейского, а если она проявит гуманизм – я окажусь в каком-нибудь местном богоугодном заведении для психов. Ни один из вариантов не казался мне привлекательным. Я взяла себя в руки и напрягла мозги и внутреннее зрение, пытаюсь найти в туманном будущем более приятную перспективу. К счастью, господа полицейские мне не мешали. После того как я на пару десятков заданных мне вопросов с подкупающей готовностью дала один и тот же ответ: «Моя твоя нихт ферштеен!» – меня оставили в покое. Если я правильно поняла, для продолжения этого увлекательного разговора был вызван переводчик. В ожидании его прибытия я сиротливо сидела на жестком стульчике у края стола, за которым устроился пленивший меня полицейский в штатском. Физиономия у него была такая же мрачная, как у меня. Похоже, он тоже не считал нашу встречу приятной.

– Может, попытаешься завербовать его в союзники? – встрепенулся внутренний голос.

– Как? – безнадежно спросила я.

– А то ты не знаешь, как молодая красивая девушка может привлечь на свою сторону молодого здорового мужчину!

Я прислушалась к своим ощущениям. Они настойчиво подсказывали, что я очень хорошо знаю, как привлекать на свою сторону мужчин. И мне не надо было долго думать, о какой именно стороне в данном случае идет речь – я уже была ориентирована к объекту именно ею. Я чуть-чуть расстегнула «молнию» куртки, быстрым взглядом измерила глубину открывшегося декольте и с радостью убедилась, что это действительно моя очень и очень сильная сторона.

– Если есть силы – надо действовать, – высказался внутренний голос. – Что с того, что у тебя нет ни имени, ни документов, и потому для властей ты вроде как не существуешь? Привидения – они тоже официально не существуют, наука их не признает, ну и что?

– Что? – заинтересовалась я.

– А ничего! Они все равно являются, слоняются, стенают, заламывают руки – и чего-то, в конце концов, добиваются. А ты что, хуже бесплотного призрака?

– Я лучше. Я очень даже во плоти! – согласилась я и в подтверждение сказанного потянула вниз язычок «молнии».

На треск застежки полицейский отреагировал как всякий нормальный человек – нашел глазами источник звука, а затем проявил себя и как нормальный мужик: замер и уставился на мою грудь. Я исторгла из нее долгий страдальческий вздох, поколебавший и мои прелести, и его суровость. Парень тоже вздохнул и заерзал на стуле. Я подумала, что еще чуть-чуть – и мы как-нибудь найдем общий язык без пере-

водчика, но тут едва наметившийся лирический сюжет круто вильнул в сторону черной комедии.

Дверь участка с грохотом распахнулась, пропуская шумную группу горцев, которые гортанно ругались на вполне понятном мне языке. Услышав площадный русский мат, я едва не прослезилась от счастья. Это была нетипичная реакция, вызванная надеждой на понимание, помощь и поддержку.

Пару минут я с умилением слушала бурное выяснение отношений между юной порослью чеченской и грузинской диаспор. Затем в эмоциональный разговор, отчетливо тяготеющий к поножовщине, вмешался лысый дядечка, старший над прочими полицейскими, и в матерных русско-немецких криках с кавказским акцентом прорезалось интернациональное слово «VELO». Что такое эротичное произошло с этим самым велосипедом, я не вполне уяснила, и старший полицейский, по-моему, тоже. Собственная непонятливость его сильно расстроила, дядечка тоже начал орать, да так громко и напряженно, что лысина его стала малиновой, как берет Татьяны Лариной.

– Во дает старый хрен! – восхитился один из юных горцев.

Старый полицейский хрен «давал» по-немецки, поэтому я лично оценить его красноречие не могла, но все остальные и заслушались, и засмотрелись.

– Эй, братишка! – привстав со стула, тихонько позвала я ближайшего горца. – Мне бы тихо сдернуть отсюда. Прикроешь?

– Ты наша? – удивился горбоносый брюнет.

– Наша Раша! – подтвердила я.

– Ваша, ваша! – нетерпеливо поддакнул внутренний голос. – Чья угодно, лишь бы не австрийской Фемиды!

Два юных австро-чеченских горца синхронно шагнули вперед, позволив мне просочиться между ними и спрятаться за братскими спинами. Я поняла, что мне представился реальный шанс уйти из этой многоязычной компании по-английски, и на полусогнутых, боком, как шустрый краб, шмыгнула к выходу.

Наручников на мне не было, полосатой робы тюремного то же, так что смотрелась я не криминальнее других, и полицейский за конторкой на входе не остановил меня грозным окриком. Кажется, он вообще меня не заметил: сидел, как и другие полицейские, мимо которых я прошла, с закрытыми глазами!

– Это, наверное, у них что-то вроде производственной гимнастики, – высказался по этому поводу мой внутренний голос. – Пятьдесят минут таращатся в мониторы, а потом на десять минут зажмуриваются, чтобы глаза отдохнули.

Я тоже читала соответствующие рекомендации окулистов, но никогда их не соблюдала. А немцы действительно дисциплинированный народ! Вот только я бы на их месте зажмуривалась по скользящему графику, чтобы не оставлять участок совсем уж без присмотра. Впрочем, мне-то на это жаловаться не следовало.

В дверях мне любезно уступил дорогу какой-то пожилой австрийский герр. Я машинально сказала ему спасибо и выскользнула на улицу. Отбежала подальше, спряталась за углом, выглянула из-за него, проверяя, нет ли за мной погони – любезный герр по-прежнему стоял на крыльце, как предупредительный швейцар, но полицейские с собаками из участка не выбегали. Я огляделась, выбрала среди ближайших улиц наиболее узкую и, стало быть, наименее пригодную для преследования меня на автомобилях и мотоциклах, и шурхнула в эту темную расщелину с проворством крысы Шушеры.

Когда лейтенант покраснел, как померанец, и открыл рот для слоновьего рева, Лео в ожидании неизбежного акустического удара заткнул уши и зажмурился. Однако звукоизоляция из сложенных ковшиками ладоней не стала для диких воплей Бохмана непреодолимым препятствием, и Лео на некоторое время потерял остроту слуха и ориентацию в пространстве-времени. Это была стандартная реакция тренированного полицейского организма на децибелы начальственного крика. Другие подчиненные лейтенанта Бохмана тоже привычно впали в ступор, экономя нервы и силы для последующей работы в нормальном режиме.

Очевидно, именно в этот момент массового затемнения полицейского сознания сумасшедшая девчонка, задержанная Лео возле русской церкви, благополучно сбежала. Когда лейтенант заткнулся, Лео открыл глаза и с огорчением заметил, что прекрасный вид на пышную девичью грудь, скрашивавший его существование на протяжении последней минуты до взрыва Бохмана, куда-то пропал. А вместе с видом пропала и сама счастливая обладательница роскошного бюста!

– Где она?

Привстав на стуле, Лео завертел головой, но увидел только спины тех молодчиков, которые своим шумным поведением

спровоцировали дикий рык лейтенанта.

Не бывает худа без добра: послушав Бохмана, скандальные кавказские юнцы быстро потеряли вкус к межнациональным разборкам с участием австрийской полиции и по доброй воле вымелись из участка.

– Добрый вечер, – поймав вопросительный взгляд Амтманна, вежливо произнес от двери переводчик Пауль Гусински.

Ему хватило такта умолчать о том, что вечер давно перетек в ночь, которая в связи со сверхурочной работой вряд ли была доброй. А с учетом головной боли, которая предстояла бедняге Лео из-за того, что он упустил предполагаемую преступницу, могла стать страшнее Варфоломеевской.

– Здесь была такая девушка, – осипшим от волнения голосом прошелестел Амтманн.

Для пущей понятности он выразительными жестами показал, где именно была девушка – потыкав указательным пальцем в пустой стул, и какая именно – плавно покачав в подреберье сложенные ковшиками ладони.

– Она ушла туда, – по-прежнему любезно сообщил Гусински и тоже использовал язык жестов, соединив входную дверь и наружный угол здания одним длинным кивком.

– Лео, сынок! Куда делись эти горластые эмигранты? – едва отдышавшись, человеческим голосом с нотками детского любопытства поинтересовался лейтенант Бохман.

– Они тоже ушли, – по-прежнему вежливо ответил неиз-

менно любезный переводчик.

– Очень странные люди! – возмутился лейтенант. – Вломились в участок, пошумели и ушли, не позволив полиции вникнуть в суть их проблемы. Зачем же было приходиться?

– Они не поделили *фиговый велик*, – услужливо объяснил Гусински.

Языковой барьер, помешавший проникновению выразительных русских ругательств в сознание австрийских полицейских, у переводчика был пониже. Пауль Гусински происходил из семьи польских эмигрантов, сумевших передать потомкам русскую речь образца середины двадцатого века.

– Я не совсем понял, почему при столь нелестной качественной характеристике данное транспортное средство представляло повышенный интерес для каждой из конфликтующих сторон, – немного смущенно признался Гусински. – Однако факт остается фактом: эти несовершеннолетние выходцы из кавказских республик яростно оспаривали право *засунуть фиговый велик кому-то в задницу* и потеряли интерес к этому сомнительному процессу только после облагораживающего вмешательства прекрасной дамы.

– Кстати, а где эта дама? – проснулся лейтенант.

Лео вжал голову в плечи.

– Голубоглазая блондинка, которую чеченские и грузинские юноши называли своей сестренкой, ушла первой, – не скрыв удивления, вызванного столь ярким примером дружбы и братства между народами, ответил Гусински. – А мо-

лодые джигиты последовали за ней со словами: «Даешь русское братство против хреновых гансов!»

– Что значит «хреновые гансы»? – нахмуясь, спросил Бохман.

А более сообразительный Лео, не дожидаясь объяснений переводчика, снова заткнул уши и зажмурился.

7. Катя

Вынужденная пробежка по узкой улочке со сложным названием обогатила меня новой информацией: ознакомившись с надписью на табличке, прикрепленной на углу дома, я узнала, что нахожусь не где-нибудь, а в Вене.

– Вена – столица Австрии, – не затруднился с ценным замечанием мой внутренний голос.

– Знаю, – буркнула я.

– А еще что ты знаешь? – заинтересовался он.

– В связи с Веной? – Я помела и поскребла по извилинам. – Знаю, что тут жили и работали Вольфганг Моцарт и Иоганн Штраус.

– Не богато, – вздохнул внутренний.

Я еще напрягла разум и выдала кулинарно-географический довесок:

– Вена славится пивом, вафлями, знаменитым тортом «Захер» и яблочным пирогом – апфельштруделем.

При упоминании яблочного штруделя в непроглядном мраке моего подсознания слепоглухонемой глубоководной рыбиной проплыла призрачная тень. Ее очертания показались мне смутно знакомыми, но проявить и детализировать образ я не смогла.

– Ладно, не мучь себя, – пожалел меня внутренний голос. – Лучше подумай, куда теперь идти?

– Это называется – не мучь себя? – проворчала я.

Вопрос «Что делать?» стоял для меня острее, чем для героев Чернышевского.

– Кто такой Чернышевский? – любопытствовал внутренний голос.

И сам же вспомнил:

– Ах да, русский писатель!

Похоже, сознание мое тяготело к просветлению, но процесс этот обещал затянуться надолго.

Узкая темная улочка неожиданно закончилась глухим тупиком. Я остановилась и огляделась. С двух сторон поднимались четырехэтажные дома, подозрительно похожие на наши хрущобы – серые, неинтересные, без всяких архитектурных излишеств, даже без балконов. Трехметровой высоты деревянная дверь имела самый жалкий вид: темно-зеленая краска на ней облупилась, обнажив серое дерево в следах затянувшейся трапезы жучков-короедов. За мутным стеклом виднелся подъезд, слабо освещенный одинокой электрической лампочкой, на грязно-желтом плиточном полу стояла покривившаяся детская коляска. Я с тоской засмотрелась на это младенческое ложе и задумалась: где бы мне-то преклонить буйну голову? Неожиданно дверь, к которой я страстно прильнула, скрипнула и подалась. Я расценила это как приглашение войти, тихо проскользнула в парадное и осмотрелась.

Слева от входной двери из стены выступала довольно ши-

рокая деревянная полка – очевидно, когда-то тут было окно, потом его замуровали, а подоконник остался.

– Ничего полочка, почти как в плацкарте, – подбодрил меня внутренний голос.

Заглянув в коляску, я нашла там маленькую подушечку и клетчатое детское одеяльце. В сочетании с подоконной полочкой они образовали более или менее удобное ложе для бедной беспамятной бродяжки.

– Не повезло тебе с именем, – уже засыпая, посочувствовал внутренний голос. – Сдается мне, у Катерины Разотрипята плохая карма. Хочешь добрый совет? Поменяй имя.

– Ага, – зевнув, согласилась я. – Как вы яхту назовете, так она и поплывет!

Тут в точном соответствии со сказанным перед глазами у меня все поплыло, я смежила ресницы и погрузилась в сон.

Вторник

1. Алла

Воистину, все относительно!

По стреле собора Святого Стефана с небес на землю, укрытую благоуханным сиреневым туманом, стекал волшебный розовый свет, над сказочной Веной занималось чудесное весеннее утро, а я безрадостно смотрела на эту картину опухшими от слез глазами и с горечью думала о том, что сто раз правы были Екатерина Максимовна, капитан Кулебякин и Карина Денисянц из турбюро «Земной шар»! Особенно Карина была права. Хоть и не люблю я эту бессовестную особу, которая в глаза называет себя вашей подружкой, а за спиной вам же строит козни, но на этот раз Денисянчиха не соврала: заграничное путешествие вне коллектива, организованного турагентством, «дикарями», обернулось для нас с Кузнецовой бо-ольшими неприятностями. Дуры мы с Инкой, дуры! Сидели бы себе дома, в своей тихой теплой губернии, и были бы целы и невредимы!

Горькие слезы на моем лице мешались с каплями лучшей в Европе питьевой воды, которая сочилась из махрового комка, возлежащего на моей во всех смыслах ущербной голове. Холодный компресс из полотенца притупил физиче-

скую боль от ушиба черепной коробки, но не мог унять душевную боль в области грудной клетки. Я потеряла Инку! Кузнецова, моя подруга детства, юности и зрелости, растворилась в кофейной гуще черной венской ночи бесследно, как микроскопический кубик рафинада!

Стрелки на часах приближались к семи утра. Я решила, что ровно в семь ноль-ноль наплюю на правила приличия и дипломатические тонкости, позвоню в полицию и буду орать в трубку благим русским матом до тех пор, пока не поставлю на ноги и под ружье всех венских жандармов, городских, постовых, их служебных собак, кошек, мышек и попугайчиков!

За тридцать секунд до часа «ноль» телефон ожил сам. Услышав трель звонка, я вздрогнула и уронила с головы мокрый тюрбан. Размотавшееся полотенце накрыло телефон, я сдернула тряпку вместе с трубкой, и незнакомый мужской голос, интимно приглушенный толстой махровой тканью, ласково проворковал мне в ухо:

– Доброе утро, фрейлейн!

– Куда уж добрее! – буркнула я.

– Фрейлейн уже проснулась? – все так же ласково спросил он.

– Нет, фрейлейн разговаривает во сне! – нахамила я от волнения.

– Если фрейлейн уже встала с постели, может быть, она найдет время для общения с одним симпатичным полицейским?

Я великодушно проигнорировала обидный для меня, как для женщины, намек на то, что для общения непосредственно в постели я симпатичному полицейскому не столь интересна, и горячо одобрила поступившее предложение встретиться у стойки гостиничного бара на первом этаже.

И сразу же была обманута. В баре меня ожидал не один служивый в форме, а сразу двое в штатском, и никого из них я не назвала бы симпатичным. У мужчины постарше была постная физиономия монаха, безропотно смирившегося с обетом безбрачия. На него не произвели никакого впечатления ни мои голые ноги, ни эротичная фантазийная прическа «Кувырки на сеновале», самопроизвольно образовавшаяся на голове в результате контактов с вязаной шапкой, капюшоном, кулаком злоумышленника, неухоженным газоном и мокрым полотенцем. Причесываться и переодеваться для встречи с полицией я не стала, прибежала как была – в тапках и казенном банном халате. А тот парень, что помоложе, не вызвал у меня симпатии еще с первой нашей встречи в полицейском участке. Такой мрачный и необщительный тип, натуральный деревенский идиот – я с ним говорю, говорю, а он заикается, как ослик: «Йа, йа, йа».

Тем не менее я преодолела неприязнь к неразговорчивому полицейскому тугодуму и первой начала предметный разговор:

– Знаете, господа, а ведь я сама хотела вам звонить!

Монах, оказавшийся переводчиком, застрекотал по-

немецки. Тугодум снова сказал:

– Йа, йа! – а затем разродился довольно длинной фразой, перевод которой заставил меня прикусить язычок.

Я-то хотела сообщить стражам порядка об исчезновении моей подружки Индии Кузнецовой, а оказалось, они ее уже и сами ищут!

Никаких сомнений в этом не осталось, когда я вникла в суть вопросов, заданных мне списком: имею ли я предположения о личности нехорошего человека, который на меня напал? Удалось ли мне его увидеть? Возможно ли, чтобы этот нехороший человек оказался не мужчиной, а женщиной? Точнее даже, девушкой высокого роста, с хорошей фигурой и длинными светлыми волосами, в голубых джинсах и оранжевой куртке?

– Где она?! – вскричала я, без труда узнав в этом описании свою дорогую подружку.

Вместо ответа меня тут же спросили:

– Кто она?

– А почему вы спрашиваете об этом меня? – спохватилась я.

Оказалось, спрашивают меня потому, что какой-то полицейский подвергся нападению красивой молодой блондинки в цветах враждующих партийных кланов Украины на том же месте и едва ли не в тот же час, что и я сама! А тот факт, что упомянутая блондинка при ближайшем рассмотрении оказалась русскоязычной, позволил огорчительно смышленому

полицейскому предположить наличие некой связи между одной русской девушкой и другой.

Чтобы не навредить Кузнецовой, я решила тщательно дозировать информацию. Я не призналась, что догадываюсь, о ком идет речь. Я очень-очень осторожно высказалась в том духе, что не исключена вероятность опознания мною этой яркой криминальной личности в случае нашей с ней скорой встречи. И чем раньше эта встреча состоится, тем больше шансов на то, что короткая девичья память меня не подведет.

Увы, моя надежда на то, что господа полицейские без промедления организуют мне очную ставку с русской разбойницей, не оправдалась. Прежде чем ее допросили, шустрая оранжево-голубая блондинка сумела сбежать из австрийского плена!

«Точно, это Кузнецова!» – подумала я, непроизвольно улыбнувшись.

Радовало главным образом то, что мои худшие опасения не подтвердились: Инка не сгинула бесследно в трущобах австрийской столицы. Значит, при должном упорстве и некотором везении мы с ней обязательно встретимся! Правда, найти пропавшую подружку мне предстояло без помощи местной полиции, и вкупе с незнанием немецкого это серьезно осложняло мою задачу.

Был еще шанс, что Инка сама придет в отель. Ее загранпаспорт и авиабилет остались в номере, и я тоже целый день

до вечера просидела в экс-имперской конюшне, чтобы не разминуться с подружкой, если она появится.

Но она не вернулась.

2. Катя

Разбудил меня гулкий шум: наверху хлопнула тяжелая дверь, и вниз по ступенькам медленно зашаркали чьи-то неподъемные ноги. С перепугу я чуть не свалилась с полки, уронила подушку, запуталась в одеяле, больно ушибла руку о стену. Но волновалась в этот момент только об одном: боже, что обо мне люди подумают!

– Они подумают, что ты подозрительная бродяжка, и вызовут полицию, – озвучил наиболее правдоподобную версию внутренний голос.

Вновь встречаться с полицией мне не хотелось, от этой общественно полезной структуры я сейчас ничего, кроме неприятностей, не ждала. Поэтому и не стала дожидаться, пока законные обитатели дома заметят мое присутствие, быстро выпуталась из попонки, побросала тряпки в коляску, дернула дверь и выскочила аж на середину улицы, едва не сбив велосипедиста.

Гневная трель велосипедного звонка и мое испуганное «Ой, мамочка!» отразились от стен улицы-каньона голосистым эхом, способным поднять на ноги весь квартал. Мне мигом представилось, как мирные бюргеры, бюргерши и бюргерята в ночных чепцах и колпаках распахивают окна и в праведном гневe швыряют в нарушительницу спокойствия Катю Разотрипату подручные предметы.

– Кажется, Плейшнер был вот так же убит цветочным горшком? – некстати вспомнил внутренний голос.

– Ничего подобного, Плейшнера грохнули отдельно от горшка! – возразила я энергично, но невразумительно, так как была занята поисками укрытия на случай вполне вероятного горшкометания.

В десятке метров от меня оптимистично желтела большая вывеска булочной. Символический крендель, опасно подвешенный над тротуаром на прелестных средневековых цепях, выглядел так аппетитно, что я сглотнула слюнки, одернула на себе курточку и со словами:

– Где наша не пропадала! – двинулась к кренделю.

– В булочной совершенно точно до сих пор пропадала не наша! – согласился внутренний голос, бестактно намекая на свойственную мне манеру истреблять кондитерские изделия безжалостно и в огромных количествах.

Фрау булочница уже заняла позицию за стеклянным бруствером витрины с плюшками-ватрушками. В ранний час заведение еще пустовало. Булочница вежливо сказала мне:

– Гутен морген!

Я быстро просканировала взглядом витрину и деловито ответила:

– Гутен, гутен! Битте, дайте мне айн капучино, цвай ложечки захер и драй пончикс! – На этом моим скудным знаниям немецкого пришел полный капут, но устыдиться своего невежества я не успела, потому что сосредоточилась на

оплате заказа, чреватой более тяжким позором: наличных, чтобы расплатиться за завтрак, у меня не было, и я протянула булочнице «Визу», удачно найденную за подкладкой, приготовившись услышать что-нибудь вроде: «О, найн, найн!»

– Ничуть не удивлюсь, если в этой забегаловке не принимают пластиковые деньги, – пробурчал мой внутренний голос, от волнения сделавшись высокомерным.

– Ну так удивись! – нервно хмыкнула я, правильно оценив безразличную мину булочницы.

Она преспокойно пропустила «Визу» через машинку-терминал, притулившуюся в промежутке между тостером и кофеваркой, вернула мне карточку и принялась сноровисто комплектовать заказ. Вскоре я уже сидела за столиком в уголке микроскопического зальчика, жадно поглощала свежайшие «берлинеры» и мысленно возносила благодарственные молитвы своему кормильцу и поильцу – «Бета-банку».

– А вот, кстати! – благодушно молвил внутренний голос. – Я знаю, кто должен быть в курсе всех интимных подробностей жизни Катерины Разотрипяты: этот самый «Бета-банк»! Там на каждого клиента сто процентов есть пухлое досье: всякие там анкеты, заявления, справки, кредитная история.

– Я поняла, – глубоко кивнула я, макнув подбородок в пену сливок. – Чтобы узнать, кто я и откуда, мне надо сходить в «Бета-банк». Только где его искать?

Я перевернула карточку, напрягла зрение и прочитала написанное мелкими-мелкими буквами: «Нашедшего эту

карту просим вернуть ее в «Бета-банк». Россия, 107078, Москва, ул. Саши Зарубаевой, д. 55».

– У-у-у-у! – разочарованно протянул внутренний голос. – Россия! Далековато будет! Пешочком с узелком на палочке не дойдешь, пограничники остановят! Надо самолетом лететь, из Вены наверняка есть прямые рейсы.

– В аэропорту тоже пограничники, а у меня документов нет.

В булочной прибавилось народу, в помещении стало тесно, образовался устойчивый спрос на свободные посадочные места. Засиживаться дольше было неприлично, я с сожалением покинула уютное заведение, но на улице остановилась, чтобы покрепче запомнить его адрес – на случай, если до ужина не найду другую кормушку, где принимают не только наличные.

Через два дома от замечательной булочной обнаружился маленький отельчик. Сквозь стеклянную дверь я с улицы увидела стойку с буклетами. Наклейка на этой конструкции на трех языках, среди которых был и русский, сообщала, что данная печатная продукция распространяется бесплатно.

– Но это касается только постояльцев отеля, – предупредил внутренний голос.

– Что, мне трудно немного постоять? – высокомерно ответила я.

Я похлопала себя ладонями по щекам, чтобы естественным образом подрумянить и освежить помятую физионо-

мию, поплевала на руку и пригладила мокрой пятерней волосы, чтобы придать лоск художественно небрежной прическе. Посмотрелась в пуговицу, решила, что такую красоту, как моя, испортить невозможно, и вошла в гостиницу.

Портье взглянул на меня вопросительно. Я как ни в чем не бывало поздоровалась с ним по-русски и без задержки прошествовала к лифту, направление к которому мне указала ковровая дорожка. Съездила в кабинке на третий этаж и обратно, проследовала по коврику в обратном направлении, опять же по-русски попрощалась с портье и при выходе из отеля с чистой совестью взяла со стойки бесплатный путеводитель по Вене.

Впереди по курсу показалась небольшая круглая площадь с фонтаном, на бортике которого там и сям восседали романтично настроенные граждане. Они кормили крошками голубей и фотографировались в окружении завтракающих пернатых. Я тоже присела на каменный парапет, развернула план-карту австрийской столицы, и просторный лист запарусил на весеннем ветерке.

– Странное ощущение, – задумчиво протянул внутренний голос под веселый бумажный шелест. – Дежавю... Вроде это уже было...

– Вспоминай, вспоминай, – ворчливо одобрила я и вперила ищущий взгляд в карту.

Что конкретно там искать, я не знала, но какое-нибудь название могло показаться мне знакомым и родным.

Не показалось.

– Ладно, давай думать, – со вздохом сказал внутренний голос. – Судя по всему, ты не местная.

– Судя по всему, я приехала из России, – согласилась я, вспомнив адрес на банковской карточке.

– Так, – внутренний сосредоточенно помолчал. – Я думаю, надо все-таки идти в российское посольство. Пусть у тебя нет документов, но ты хотя бы знаешь, как тебя зовут. Придешь и скажешь: так, мол, и так, я гражданка России Катерина Батьковна Разотрипята, испытала на себе тяжесть местной криминогенной обстановки, документы потеряла, деньги украли, голодаю и скитаюсь, помогите, Христа ради, чем можете!

– А чем они могут помочь?

– Могут связаться с Австрийским посольством в Москве, где тебе визу давали. Пусть те поищут у себя в базе Катю Разотрипяту – вас таких, с дивной травмопедической фамилией, наверняка в немецкоязычной Европе считанные единицы. А уж в анкете на получение шенгенской визы и адрес твой домашний записан будет, и ближайшая родня.

– Оптимистично излагаешь, но... – Я покачала головой. – Все так, но только если я прибыла прямиком из России. Однако виза-то шенгенская! То есть я могла приехать в Вену хоть из Германии, хоть из Швейцарии, хоть из Греции – да откуда угодно, и тогда не только Австрийское, а все посольства стран шенгенского договора запрашивать. Сомневаюсь

я, что наш консул станет так стараться для какой-то Разотрипяты.

– Это что еще за самоуничужение такое? – упрекнул меня внутренний голос. – «Какая-то Разотрипята!» Может, ты вовсе не какая-то, может, ты известная личность – писательница, к примеру, или выпускница «Фабрики звезд»? А может, наследница или жена олигарха?

– Что-то не помню я такого олигарха – Разотрипята, – неуверенно заметила я.

– А ты вообще ничего не помнишь! – грубо отбрил внутренний.

– Нет, почему же...

Я прислушалась к своим ощущениям и решила, что про писательницу внутренний голос дело говорит, что-то такое ассоциировалось у меня с литературным творчеством.

– Так это же прекрасно! – обрадовался внутренний. – Даже если ты писательница начинающая, но перспективная или хотя бы в меру амбициозная, то должна была засветиться в литературных кругах!

– Где я, а где те литературные круги! – напонила я.

И тут же подумала, что кругам свойственно расходиться. Положим, я молодая литераторша из России, но читатели у меня могут быть по всему миру. Если, конечно, я уже написала что-нибудь такое, достойное издания и прочтения. А если нет? Что, если я бесталанная графоманка?

– Тогда еще проще! – сообразил внутренний. – Графома-

нов издательства не печатают, так они в надежде на признание широких масс вывешивают свои опусы в Интернете. А в русский Интернет и из Австрии залезть можно, тут тебе пограничники не помеха.

– Гениально! – совершенно искренне сказала я и стала думать, где бы мне получить доступ в мировую Сеть.

План-карта Вены в этом мне помочь не могла. Не помогли и прохожие, к которым я приставала с вопросом на скверном английском: «Плиз, хелп ми. Вер из интернет-кафе?»

То ли я совсем плохо говорила, то ли люди, к которым я обращалась, знали английский и местную топографию еще хуже, чем я, но путь-дорогу к интернет-кафе мне пришлось искать самостоятельно, наугад.

В результате я нашла кое-что другое, но в своем роде тоже прекрасное: банкомат, оперирующий карточками VISA. То есть подобных полезных устройств в цивилизованной Вене было не меньше, чем туалетных кабинок (а я почему-то была твердо уверена, что уборных в этом городе предостаточно). Однако банкоматы в большинстве своем располагались в крупных универмагах, торговых центрах, общественных учреждениях и иных приличных местах, куда я в образе бездомной бродяжки зайти стеснялась. Видимо, именно для таких, как я, застенчивых люмпен-пролетариев, денежная контора с мозгодробительным названием вроде «Фолькстрахбахпифпаффайзенбанк» выставила свою самоуправляемую бронированную копилку на тротуар.

Ну почти на тротуар. Банкомат «Фольксбанка» стоял в подобии предбанника за раздвижными стеклянными дверьми. Операционный зал был дальше, в него вела распашная дверь с колокольчиком – тоже стеклянная. Слева от нее высилась многоэтажная полочка с газетами, а справа – банкомат.

Я остановилась и уставилась на него, как голодная мышь на кусок «Маасдама».

– Ты же не знаешь пин-кода карточки! – напомнил внутренний голос.

– А если знаю? – я продолжала гипнотизировать банкомат взглядом. – Должна знать, если это моя карточка!

– Может, и знаешь, но ведь не помнишь! – оценив мое настроение, внутренний голос заволновался.

– А если вспомню? – я сунула руку в карман.

– А если нет?!

– Да не паникуй ты! – досадливо проворчала я. – Банкомат разрешает три попытки ввода пин-кода. Если все они будут неправильными, карточка застрянет и заблокируется. Но я попробую только две комбинации, и, если это не сработает, заберу карту и пойду дальше.

– Ты представляешь, сколько может быть комбинаций из четырех цифр?

– Много, – согласилась я. – Но и банкоматов в этих широтах немало! Рано или поздно мне повезет.

– Тогда уж лучше бы пораньше, – безнадежно вздохнул внутренний голос.

Меня тоже не пленяла перспектива до окончания века странствовать по оригинальному туристическому маршруту «Банкоматы Австрии», подбирая электронный ключ к денежному счету Кати Разотрипяты, но ничего более умного в голову не приходило.

– Может, ну их, эти банкоматы? – тоскливо спросил внутренний голос. – Мест, где принимают «Визу», должно быть немало, эта карточка в ходу и в магазинах, и в ресторанах...

– Это хорошо, но где-нибудь меня могут попросить ввести пин-код, и я окажусь в очень неприятном положении, а там и до вызова полиции недалеко. Для пущего спокойствия мне нужны наличные, – твердо сказала я и так же твердо зашагала к банкомату.

3

На мужчину в красной куртке Сильвия обратила внимание только потому, что он был очень большой, и куртка соответственно тоже немаленькая. Маячащее за стеклом здоровенное алое пятно раздражало глаза и отвлекало Сильвию от работы. А ей и без того непросто было сосредоточиться на общении с клиентом, который испытывал затруднения с заполнением документов на кредит.

Вчера Сильвия серьезно поссорилась с Фрицем, который наотрез отказался оплатить счет в супермаркете. Конечно, она купила немного больше еды, чем обычно, но на то была причина, а Фриц даже не пожелал ее узнать. Он просто раскричался на весь магазин, доказывая Сильвии, себе и еще сотне людей в зоне слышимости, что той суммы, которую он вкладывает в общий бюджет, вполне достаточно, чтобы прокормить семью из двух человек. Он так орал, что Сильвии страшно захотелось взять с полки сковородку, стукнуть мужа по голове и таким образом экономно уменьшить народонаселение их маленькой семьи ровно в два раза. Конечно, она ничего такого не сделала и даже немного испугалась своего порыва. Наверное, это дала о себе знать горячая бабушкина кровь.

Бабушка Сильвии выросла в Молдавии, когда та еще была частью СССР, и сохранила воспитанную в ней советской

системой тягу к борьбе за светлое будущее. Сильвия, которую вполне устраивало ее более или менее светлое австрийское настоящее, предпочла бы вообще не иметь генетической склонности к бессмысленному и жестокому русскому бунту. Вполне достаточно того, что бабушка передала внучке знание русского и молдавского, которое могло пригодиться ей в работе.

Банк, в котором Сильвия надеялась сделать карьеру, не относился к числу особо крупных и респектабельных, зато был популярен у простого народа. Точнее даже, у народов: русских, поляков, румын и турок. Эти «новые австрийские» держались обособленными кучками, рекламе и рекомендациям коренного населения не доверяли и информацию о достойных их внимания товарах и услугах передавали друг другу по сарафанному радио. Таким образом, любой новый продукт в этой среде раскручивался медленно, но верно. Новый кредит, за которым разноплеменные клиенты выстроились в очередь только вчера, банк предложил еще месяц назад.

– Послушайте, девушка, я вот тут не понял: «Если у вашего супруга было другое имя, укажите его»! Это как? – русскоязычный клиент, отвечающий на вопросы анкеты, опять потребовал участия Сильвии в процессе.

– У вас есть супруг? – терпеливо спросила она.

– Нет, у меня только жена, – ехидно ответил он.

– Если до вступления с вами в брак ваша жена носила дру-

гую фамилию, укажите ее, – демонстрируя похвальное хладнокровие, объяснила Сильвия.

– Девушка, так ведь моя благоверная замужем уже в третий раз! Мне указывать только ее предыдущую фамилию или все списком?

– В третий раз? – Сильвия оживилась и заблестела глазами, задумавшись о своем.

Может, ей бросить Фрица? На свете полно других мужчин, и не все они почитают высшей земной добродетелью бережливость.

В этот момент толстый тип в алой куртке за стеклянной дверью тяжело переступил с ноги на ногу, опять раздражающе посемафорив красным в поле зрения Сильвии. Мысленно она отметила, что он торчит в прихожей слишком долго, наверное, не умеет толком пользоваться банкоматом и путается в кнопках, но послать на помощь простофиле кого-нибудь из низшего персонала банка не успела. Сначала ее отвлек приставучий клиент, а потом уже стало поздно – красное пятно растворилось в утреннем тумане.

Прошло не меньше часа, прежде чем толстяк в красной куртке возник прямо перед Сильвией. Физиономия у него была почти такого же цвета, как одежда, а глаза злые-злые.

– Девушка! – сопя, как бык на корриде, сказал он. – Что за безобразие у вас тут творится? Я второй час жду, что мне вернут мою карточку, и никого это не колышет! Поразительное неуважение к клиенту! Интересно, что скажет на это ва-

ше начальство?

Ораторские способности своего непосредственного начальника Сильвия ценила невысоко – речи его были короткими, а запас их крайне ограниченным. Можно было не сомневаться, что публичное выступление, спровоцированное жалобой клиента на плохое обслуживание, сведется к суровому императиву: «Собирайте вещи, вы уволены!» Терять работу в преддверии весьма вероятного развода с Фрицем Сильвия не хотела. Поэтому она загнала буйную бабушкину наследственность в самый глухой закоулок своей цепочки ДНК, с материнской лаской улыбнулась разгневанному толстяку и добросовестно постаралась вникнуть в суть его проблемы.

По мере проникновения в эту самую суть Сильвия все отчетливее понимала, что кого-нибудь сегодня точно уволят.

То есть поначалу проблема клиента в красной куртке не показалась ей серьезной. Просто этот господин по завершении операции не сумел извлечь из банкомата свою карточку. Такого рода неприятности порой случались, потому что любая техника иногда сбоит, а среди клиентов попадаются идиоты, заталкивающие карточку в отверстия для выдачи денег и чеков. В таком случае на помощь уважаемому слабоумному клиенту приходили ребята из сервисной службы. Другое дело, что не всегда они приходили без задержки. Но чуть позже карточка обязательно извлекалась и в целости и сохранности дожидалась своего владельца в банке.

Господину в красном, можно сказать, повезло, приятно внимательная офисная барышня появилась в нужный момент: когда банкомат неадекватно отреагировал на стандартную команду «Возврат карты». Кусочек пластика высунулся из прорези всего на полдюйма и застыл в таком положении дразнящим язычком.

– Застряла? – сочувственно спросила милая девушка. – Попробуйте вернуться в программу и произвести какую-нибудь операцию. Любую, например, пополнить телефонный счет.

Клиент в красной куртке не планировал на это утро дополнительные траты, но барышня объяснила, что сумма может быть чисто символической, хоть два-три евро, важно запустить процесс.

Наружу карточка не выходила, но внутрь канула охотно. Господин в красном ввел пин-код и без проблем осуществил платежную операцию. Смехотворная сумма в два евро благополучно ушла на счет телефонной компании, но в последний момент банкомат опять закапризничал, и карточка снова застыла на панели несъемной полочкой.

– Попробуйте еще раз, – посоветовала добрая офисная девушка.

Клиент попробовал еще и еще – с нарастающим раздражением и неизменным результатом. Окончательно потеряв терпение, он удалился, чтобы вернуться позже.

И вот он вернулся, а его карточки нет!

Проведенный в рамках спешного разбирательства опрос всего офисного люда и проверка финансового состояния ряда счетов выявили кошмарную картину.

С девяти до десяти утра неисправный банкомат незаконно присвоил пять кредитных карточек. Их владельцы, следуя доброму совету некой любезной сотрудницы банка, тщетно пытались наладить отношения со спятившей жестянкой, но никому это не удалось. Милая офисная девушка заверила каждого пострадавшего, что служба техподдержки решит возникшую проблему в самом скором времени, и предложила зайти за карточкой во второй половине дня. Кто-то из кассиров действительно видел, как мужчина в синем халате техслужащего и бейсболке с логотипом банка ковырялся в банкомате, но это было рано утром, сразу после открытия.

Один из пяти клиентов оказался недостаточно терпеливым и объявился существенно раньше назначенного срока. Тут-то и выяснилось, что личность доброй девушки, по собственной инициативе общавшейся с жертвами банкомата, никому не известна, а сервисная служба абсолютно не в курсе возникшей проблемы. Хуже того, хотя внутри спешно вскрытого банкомата и были обнаружены все пять карточек, со счетов их владельцев ушли крупные суммы денег!

Спешно вызванный полицейский эксперт пришел к выводу, что сбой в работе банкомата организовал компьютерно грамотный преступник, действовавший в паре с женщиной, которая успешно выдавала себя за банковскую служащую. Ее

участие в процессе было буквально ключевым, ибо эта коварная особа, стоя рядом с клиентом, запоминала вводимый им пин-код. Также полиция предположила наличие в группе третьего человека, который подходил к банкомату сразу после ухода клиента и снимал деньги с его счета.

– Простенько и со вкусом! – хмыкнув, охарактеризовала аферу Сильвия, вспомнив одно из крылатых выражений своей русскоязычной бабушки.

Ее сама беда обошла стороной, увольнение проредило только ряды служб охраны и техподдержки. В банковском зале все остались на своих местах, однако операционистам пришлось потесниться, чтобы посадить за конторку с хорошим видом на банкомат специально ангажированного полицейского.

4. Катя

Пусть совсем небольшой, даже микроскопический, но шанс угадать пин-код у меня все-таки был. Я очень рассчитывала на механическую память.

Наверное, все знают, что нашим ручкам свойственно запоминать мелкие движения, которые мы повторяем достаточно часто. Например, однажды в детстве освоив востребованную фигуру из энного количества пальцев, взрослый человек никогда не затрудняется скрутить фигу, повертеть пальцем у виска или с помощью жеста послать куда подальше другого взрослого человека. При этом никто не задумывается, какой перст нужно поджать, а какой оттопырить, пальцы комбинируются машинально. А еще многие школяры практикуют такой способ проверки правописания: закрыть глаза и начертать слово не думая, «на автомате» – чтобы пальчики сами вывели то, что надо. Проверено – работает! И с кнопочными телефонами эта тактика тоже себя частенько оправдывает: если вдруг не можешь вспомнить номер, который набираешь регулярно, предоставь пальцам самим «попрыгать» по кнопкам. Да что там говорить, если и игра на клавишных, и вся практика компьютерного набора текстов вслепую основаны на эксплуатации памятливых пальчиков!

Банкомат с готовностью принял мою карточку и предложил ввести код. Я возложила правую кисть на панель с кноп-

ками и закрыла глаза, уподобившись одnorукому слепому пианисту.

– Давай! – скомандовал внутренний голос.

Я бездумно исполнила короткое арпеджио, открыла глаза и посмотрела на экран. Неблагодарная публика в нечеловеческом лице банкомата приветствовала мое выступление крайне холодно.

– Неправильно набран код, – прокомментировал внутренний голос.

Я пошевелила пальчиками бесконтактно и прикинула, каким кнопкам соответствует мое упражнение: то ли 5-2-5-8, то ли 5-2-5-9. Комбинацию, завершающуюся восьмеркой, я уже испытала, оставалось попробовать второй вариант. Я набрала 52–59, но жестокосердый банкомат и это не проняло.

– Может, 5-2-8-0? – предположил внутренний голос, вместе со мной внимательно изучив раскладку клавиатуры.

Цифры от единицы до девятки расположились на ней в три ряда по три столбика в каждом, а в дополнительном четвертом ряду центральную позицию занимал одинокий нолик. Я снова пошевелила пальцами. Они упорно желали двигаться по среднему столбцу «кубика», выводя танцевальную фигуру «шаг вперед и шаг назад».

– Значит, есть еще два варианта: 52–50 и 52–80, – сделал вывод внутренний голос.

– Варианты еще есть, а ненаказуемые попытки уже закончились, – с сожалением сказала я. – Придется забирать кар-

точку и идти к другому банкомату!

Это оказалось легче сказать, чем сделать. Моему желанию получить кредитку обратно банкомат неожиданно оказал сопротивление. Оно было пассивным, но действенным: карточка просто застряла в приемнике! Повторив команду «Возврат карты» несколько раз и не добившись желаемого результата, я зацепила выступающий край карточки ногтями, потянула его, подергала, потрясла – хоть бы хны!

– Вот чурбан железный! – сердитым шепотом обругала я банкомат и в сердцах бухнула по нему кулаком.

И вот, клянусь, чистую правду гласит русская народная мудрость: «Не мытьем, так катаньем!» По доброй воле дурацкий сейф отдавать мою частную собственность не хотел, а под давлением силы не просто отдал карточку, а буквально выплюнул ее!

Кусочек пластика спланировал на пол, как лилипутский ковер-самолет. Я поспешно наклонилась, чтобы поднять его – дрессированные раздвижные двери при моем приближении предупредительно разошлись, – и услышала за спиной короткий лающий окрик, живо напомнивший мне фильмы о Великой Отечественной. Из внутреннего помещения выскочил сердитый дядька в полицейском мундире – маленький, сухощавый, похожий на злого хорька. Что именно он мне тьякнул – «Хенде хох!», «Ахтунг!» или «Аусвайс!» – я не расслышала, но, судя по тону, реплика совершенно точно не являлась пожеланием мне здоровья, счастья и долгих лет

жизни.

– Ну все, теперь тебя точно посадят! Вчера – нападение на полицейского, сегодня – избиение банкомата, – подсчитал мои преступления неприятно памятный внутренний голос.

Я разогнулась и, опасливо глядя на стража порядка, попыталась в угол. Самоходные двери захлопнулись. Полицейский хорек буркнул еще что-то неласковое и топнул ногой. Я с сожалением посмотрела на закрывшийся выход и заметила, что с тротуара на нас уже глазают. Какой-то парень в эффектной ковбойской шляпе остановился, чтобы отсмотреть жанровую сценку: «Доблестный австрийский полицейский задерживает крайне подозрительную особу в «Фолькс-трахбахпифпафайзенбанке».

Доблестный хорек протянул лапу и в речи его отчетливо прозвучало слово «кард». Смекнув, что у меня хотят отнять единственное мое средство к существованию, мои последние пластиковые гроши, я дерзко сказала:

– А вот фиг вам! – и спрятала драгоценную карточку за спиной.

Полицейскому, очевидно, надоело церемониться, он решительно шагнул ко мне. Тут двери опять разъехались, и мимо нас к кофейному автомату как ни в чем не бывало проследовал придурок в ковбойской шляпе. На ходу он игриво подмигнул мне, но в этот момент мне было не до флирта, поэтому я пробормотала:

– Да пошел ты! – и забила поглубже в угол.

Полицейский проводил некстати явившегося любителя кофе и зрелищ недружелюбным взглядом и снова затыкался.

– Чего же ты ждешь?! – зашипел на меня внутренний голос. – Толкни его и удирай, пока не загремела в каталажку!

Толкать полицейских еще не вошло у меня в привычку, поэтому я медлила.

– Тебе никак нельзя в полицию! – заволновался внутренний. – Там тебе еще и вчерашний подвиг припомнят! Давай же, шевелись! На что ты надеешься?

– На чудо, – пробормотала я без особой надежды.

Но чудо случилось.

– Ах! – громко вскричал полицейский, облитый горячим кофе.

Ему сразу же стало не до меня.

Неуклюжий ковбой, громко извиняясь, кинулся вытирать пострадавшего своим платком. Чуткие двери отреагировали на эту суету самым лучшим образом – они разъехались, и я не заставила себя уговаривать, выскочила из немецкого банка, как вшивый из русской баньки.

– Хорошая рифма! – сквозь идиотский смех похвалил меня внутренний голос. – И метафора ничего, с национальным колоритом! Даже с двумя колоритами!

Я в ответ заржала, как русский народный конь Сивка-Бурка. Когда стало ясно, что мне в очередной раз чудом удалось избежать полицейского плена, на меня накатило нездоровое

веселье.

Мимо знакомого фонтана с голубями я пробежала, спотыкаясь и хихикая, словно умалишенная. Промчалась вверх по той улочке, где получила ночью кров, а утром стол, во-рвалась в знакомую булочную и с разбегу сделала заказ:

– Кофе, шнапс и апфельштрудель!

Шнапса я, увы, не получила – очевидно, в кондитерской спиртное не наливали, но кусок пирога мне выдали прилич-ный, хватило бы на троих. Все еще подхихикивая, я угнез-дилась в самом темном и укромном уголке и налегла на ап-фельштрудель свой насыщенный, заеда я горечь утраты памяти и пережитые волнения.

Кофе был отменный, сдоба – выше всяких похвал, я на-елась, закрыла глаза и привалилась к стеночке, обитой мяг-ким кожаным материалом. Было бы чудесно немного подремать в теплой булочной, где ароматы кофе, корицы и ванили созда-вали атмосферу спокойствия и уюта. Наверное, я действи-тельно на минуту-другую отключилась, но вскоре просну-лась от самолетного рева включенной кофемолки.

Выпрямив спину (задремав, я покосилась в своем углу, как новогодняя елочка к тринадцатому января), я оглядела крошечный зал и испытала смешанное чувство стыда, уни-жения и признательности к славным людям, которые дели-катно вкушали свои десерты, тактично не обращая внима-ния на меня, клюющую носом над пустой чашкой. Никто ме-ня не тревожил, не предлагал повторить заказ, не намекал

на необходимость освободить посадочное место для других любителей свежей выпечки.

– Вот что значит – цивилизованная страна! – растроганно сказал внутренний голос. – Спать или не спать там, где другие едят, – глубоко личное дело каждого!

Я согласно кивнула, с нежностью оглядела посетителей, столь трепетно уважающих не только булки, но и чужие личные дела. Потом задержала взгляд на симпатичном парне за соседним столиком, и улыбка с моего лица быстро сползла.

Парень был незнакомый, я могла бы поклясться, что никогда раньше его не видела, а вот его шляпа...

– Стетсон, – подсказал внутренний голос. – Такая ковбойская шляпа называется «стетсон».

Приметный и запоминающийся головной убор из рыжей телячьей кожи, с медной бляхой на тулье и шнурком под подбородком я видела совсем недавно. Точно такая же шляпа красовалась на голове ротозея, который сначала строил мне глазки, а потом очень удачно (для меня) облил кофейком из автомата полицейского, похожего на хорька. Только тот парень был коротко стриженным блондином со светло-серыми глазами, а этот – кареглазым брюнетом с волнистыми кудрями. То есть парни совершенно точно были разные, а вот их шляпы – одинаковыми. Поскольку ковбойские стетсоны, по определению, не являются традиционными головными уборами австрийских щеголей, я насторожилась.

– Может, эти двое – рыцари Дикого Запада, странствующе-

щие в поисках Прекрасной Дамы? – насмешливо подсказал внутренний голос. – Они увидели тебя и решили, что ты им подходишь!

– Для чего? – резонно поинтересовалась я.

Никаких приключений мне не хотелось. Хотелось поскорее вернуться в свою прежнюю жизнь, какой бы она ни была. Вспомнить, так сказать, прекрасное былое и забыть ужасное настоящее.

Брюнетистый ковбой невозмутимо кушал свое шоколадное пирожное и глядел при этом на него, а не на меня. Я встала из-за столика, вышла из булочной, с улицы заглянула в окно и убедилась, что подозрительный стетсон даже не шелохнулся.

– Паникерша, – упрекнул меня внутренний голос. – Подумаешь, одинаковые шляпы у них! Может, в ближайшем универмаге случилась тотальная распродажа в отделе этнических костюмов!

– Поверю в это, если увижу кого-нибудь в индейском уборе из перьев! – огрызнулась я.

Настроение испортилось. Расслабленность, охватившая меня в булочной, сменилась нервозностью. Внезапно я особенно остро осознала, как плохи мои дела: дома у меня нет, документов нет, наличных нет и за помощью идти некуда. А день перевалил на вторую половину, скоро наступит вечер, потом ночь, и придется мне спать под открытым небом на сырой земле!

Тут я ассоциативно плюхнулась на краешек просторного газона, где уже восседали в непринужденных позах парни и девушки, похожие на студентов: у многих в руках были книжки, почти у всех – сумки или рюкзачки.

– Да, Катерина, вляпалась ты! – сочувственно сказал внутренний голос.

Я приподняла попу, обеспокоенно оглядела занятый мной фрагмент газона, убедилась, что он свободен от следов жизнедеятельности живых четвероногих организмов, и, стало быть, вляпалась я исключительно в переносном смысле, после чего со стоном откинулась на спину.

Светло-голубое небо, исчерченное тонкими белыми штрихами формирующихся перистых облаков, слепило глаза. Теплое апрельское солнышко согревало тело, но душа моя холодела и дрожала, как трепетный осиновый листочек.

Потом темная тень накрыла и мое лицо.

– Привет! – сказала она.

Я быстро села и заморгала, восстанавливая зрение.

– Салют! – сказала вторая тень.

– Гутен таг! – отчеканила третья.

– Здравсьте, – ошалело промямлила я.

Справа от меня стоял шикарный блондин с опаловыми глазами, слева – знойный брюнет с шелковыми локонами. Между ними, как трухлявый пенек меж двумя стройными кипарисами, торчала мелкорослая девица абсолютно невзрачной наружности – как говорится, посмотреть не на

что. Тем не менее я загляделась не на красавцев, а именно на эту замухрышку – просто потому, что ее головенку с пегими перышками венчала роскошная ковбойская шляпа из рыжей кожи. С медной бляхой и шнурком для завязывания под подбородком.

– Мы уже немного знакомы, – улыбнулся мне красавец блондин.

– Недостаточно, – буркнула я, поскольку знакома на данный момент мне была главным образом рыжая ковбойская шляпа.

Тогда блондин сказал:

– Ну так давайте знакомиться полнометражно. Я Муня.

– А я Маня, – сообщил чернявый.

От его улыбки у меня заболели глаза. Зубы у мальчика Мани были такие, что на месте его стоматолога я бы не упустила случай надергать себе халявных жемчугов на ожерелье.

– А это Моня! – в один голос сказали Маня с Муней и дружно шлепнули замухрышку по плечикам, от чего она даже присела.

– Муня, Маня и Моня? – повторила я, одуревая все круче.

– Нуф-Нуф, Ниф-Ниф и Наф-Наф! – демонически захохотал мой внутренний голос, отчетливо тяготея к буйному помешательству.

– А вас как зовут? – спросил блондин.

Я преодолела хулиганский порыв назваться Серым Вол-

ком и отрекомендовалась скромненько:

– Катя я.

– Катя, – повторил Муня, словно пробуя мое незатейливое имя на вкус.

– Катерина, – задумчиво развил тему Маня.

– Найд! Катиш, – веско молвила Моня.

И я поняла, что меня только что окрестили.

– Это безобразия и идиотизм!

Полицейский Гюнтер Цайтлер стоял навтыжку перед столом лейтенанта Бохмана и был похож уже не на хорька, а на его безжизненное чучело. В развитие темы разгневанный начальник клятвенно обещал в самое ближайшее время спустить с Цайтлера шкуру и при этом так злобно зыркал сквозь стекло на притихших подчиненных в общем зале, что становилось ясно: одним собственноручно изготовленным чучелом лейтенант, готовый переквалифицироваться в таксидермисты, может и не ограничиться.

В противоположность неистово орущему Бохману Гюнтер Цайтлер молчал как уже убитый. Сказать в свое оправдание ему было абсолютно нечего. Безобразия и идиотизм имели место быть. Он, полицейский со стажем, стал жертвой циничных и дерзких преступников!

– Вы болван и ротозей! Чему вас учили в полицейской школе?! – орал Бохман. – Разве вам не говорили, что это второй по популярности воровской метод: облить чаем, кофе или испачкать багаж жертвы кетчупом, кремом – чем угодно, хоть дерьмом собачьим?!

Оригинальный вариант с собачьим дерьмом в полицейской школе действительно не рассматривался, но об этом Цайтлер благоразумно промолчал.

– А что происходит дальше, вы знаете?!

Цайтлер потупился. За это знание он заплатил дорогой ценой.

– Воры со всеми возможными извинениями начинают вытирать пострадавшего! – Лейтенант с грозным бульканьем выглотал стакан воды и продолжил запоздалый ликбез. – Уследить за их руками невозможно, и вместе с пятнами исчезают бумажники, часы и сумки!

Буровя Гюнтера ненавидящим взглядом, Бохман сделал глубокий вдох. Цайтлер закрыл глаза и приготовился к худшему.

– Или, как в вашем случае, полицейское удостоверение и значок!!! – проревел его начальник.

Он был в бешенстве. Непозволительная беспечность, проявленная Цайтлером, компрометировала все отделение. Тем более что совсем недавно позорно опростоволосился и другой подчиненный лейтенанта – полицейский Амтманн, прозевавший самовольный уход из участка задержанной им русской хулиганки.

– Дело плохо, – резюмировал Бохман.

Имелось в виду не только личное дело полицейского Цайтлера, в котором неизбежно должна была появиться запись о строжайшем выговоре. Оперативные сообщения и заявления, посыпавшиеся одно за другим, как крупа из прохудившегося мешка, рисовали безобразную картину внезапного разгула преступности в благополучном дотеле столичном

районе. Меньше чем за сутки произошло несколько возмутительных случаев!

Прооравшись на чучелоподобного Цайтлера до астматического хрипа, лейтенант выгнал болвана и ротозея из своего кабинета, залпом выпил банку холодной минеральной воды, остыл, успокоился и попытался хладнокровно вникнуть в ситуацию. Для начала он с хваленой немецкой пунктуальностью систематизировал ЧП последнего времени, в результате получив список в пять строк.

Пунктом номер один – по времени, а не по тяжести совершенного преступления – стояло хулиганское нападение на русскую туристку, случившееся, по ее заявлению, поздней ночью. Далее в хронологической последовательности шли:

2. Нападение неизвестной русской девицы на полицейского Лео Амтманна.

3. Бегство этой самой русской из участка.

4. Телефонный звонок из российского посольства, куда по дипломатическим каналам поступила непроверенная информация о загадочном исчезновении в Вене русской гражданки Индии Борисовны Кузнецовой.

И наконец, пятый пункт: группа преступников мошенническим образом сняла значительную сумму денег со счетов клиентов банка, расположенного на территории района. Этот случай был хуже всех, хотя бы потому, что обещал в скором времени нашествие в участок ушлых ребят из Агентства по борьбе с экономической и коррупционной деятельностью.

Торопясь подготовиться к этой малоприятной встрече, лейтенант Бохман лично включился в расследование.

Приятным сюрпризом для него стала богатая подборка свежих фотографий. Камера, установленная в фойе банка, согласно заданной программе включалась в режиме фотосъемки четыре раза в минуту и добросовестно сняла участников преступной группы на всех этапах их работы.

Некий мужчина («Фигурант № 1» – тут же обозначил его дотошный Бохман) в синем халате и кепке с логотипом банка несколько раз появлялся в фойе, чтобы «починить» банкомат. К сожалению, длинный козырек бейсболки совершенно скрыл от камеры лицо этого умельца.

Пять раз – по числу обворованных клиентов – у банкомата возникала женщина, одетая в строгий костюм в фирменных цветах «Фолькстрахбахпифпафайзенбанка». Камера, закрепленная на чрезмерной высоте в углу под потолком, лучше всего запечатлела ее светловолосую голову с безупречным пробором и слепящие золотые пряжки на туфлях. Более подробный портрет лейтенант надеялся получить от пострадавших клиентов, однако все пятеро на вопрос о внешности разговаривавшей с ними мошенницы ответили однотипно: «Какая-то такая... Простите, я не запомнил!»

Частично яркой и запоминающейся оказалась личность Фигуранта № 3. Этот человек появлялся в фойе сразу после ухода клиента, обессиленного в безрезультатной борьбе с неисправным банкоматом, и снимал деньги с чужой карточ-

ки. При этом на голове его обязательно красовался необычный головной убор: сначала это был ярко-зеленый ирландский берет, потом черно-белая кепка расцветки «футбольный мяч», затем алый казачий башлык с кистями, пушистый лисий малахай с раскидистыми «ушами» и – в финале – шикарная кожаная шляпа, которая идеально подошла бы бравому шерифу маленького городка на Диком Западе. Костюмированный жулик, похоже, был хорошим психологом: после случайной встречи с ним в памяти оставался только экстравагантный головной убор. Опять же все эти обширные шапки-шляпки надежно прятали лицо преступника от камеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.